

INSPIRIA

ЗАТОНУВШАЯ ЗЕМЛЯ ПОДНИМАЕТСЯ ВНОВЬ

ПРИЗ
«ГОЛДСМИТС»

за расширение рамок
литературной формы
романа

КНИГА ГОДА

по версии New
Statesman

Гениальная
и тревожащая книга.

ОЛИВИЯ ЛЭНГ, автор книги
«Одинокый город»

М. ДЖОН
ХАРРИСОН

INSPIRIA

Майкл Джон Гаррисон
Затонувшая земля
поднимается вновь
Серия «Universum.
Магический реализм»

Текст книги предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=67138953
Затонувшая земля поднимается вновь: Эксмо; Москва; 2022
ISBN 978-5-04-164867-1

Аннотация

Приз университета «Голдсмитс» за «роман, раздвигающий границы литературной формы».

Номинация на премию Британской ассоциации научной фантастики.

«Книга года» по версии New Statesman.

Вся жизнь Шоу – неуклюжая попытка понять, кто он. Съёмная комната, мать с деменцией и редкие встречи с женщиной по имени Виктория – это подобие жизни, или было бы ею, если бы Шоу не ввязался в теорию заговора, которая в темные ночи у реки кажется все менее и менее теоретической...

Виктория ремонтирует дом умершей матери, пытаясь найти новых друзей. Но что случилось с ее матерью? Почему местная

официантка исчезла в мелком пруду? И почему город так одержим старой викторианской сказкой «Дети воды»?

Пока Шоу и Виктория пытаются сохранить свои отношения, затонувшие земли поднимаются вновь, незамеченные за бытовой суетой.

«Тревожный и вкрадчивый, сказочно внимательный ко всем нюансам, Харрисон не имеет себе равных как летописец напряженного, неустойчивого состояния, в котором мы находимся». – *The Guardian*

«Это книга отчуждения и атмосферы полускрытого откровения, она подобна чтению Томаса Пинчона глубоко под водой. Одно из самых красивых произведений, с которым вы когда-либо встретитесь». – *Daily Mail*

«Харрисон – лингвистический художник, строящий предложения, которые вас окутывают и сплетаются в поток сознания... каждое предложение – это декадентский укус и новое ощущение». – *Sci Fi Now*

«М. Джон Харрисон создал литературный шедевр, который будут продолжать читать и через 100 лет, если планета проживет так долго». – Жюри премии университета «Голдсмита»

«Завораживающая, таинственная книга... Навязчивая. Беспокоящая. Прекрасная». – *Рассел Т. Дэвис, шоураннер сериала «Доктор Кто»*

«Волшебная книга». – *Нил Гейман, автор «Американских богов»*

«Необыкновенный опыт». – *Уильям Гибсон, автор романа «Нейромант»*

«Автор четко проводит грань между реализмом и фантазией и рисует портрет Британии после Брексита, который вызывает

дрожь как от беспокойства, так и от узнавания». – *Джонатан Коу, автор «Срединной Англии»*

«Один из самых странных и тревожных романов года». – *The Herald*

«Прекрасно написанная, совершенно неотразимая книга. В ней, как и во многих других произведениях Харрисона, есть сцены такого уровня странности, что они остаются в памяти еще долго после окончания романа». – *Fantasy Hive*

«Психогеографическая проза Харрисона изысканна и точна. 9.4/10». – *Fantasy Book Review*

Содержание

Один	9
1	9
2	14
3	24
4	40
5	51
Два	68
6	68
Конец ознакомительного фрагмента.	86

Майкл Джон Харрисон

Затонувшая земля поднимается вновь

Деборе Чадборн

*Постепенно затонувшая земля поднимается
вновь, и, возможно, вновь падает, и затем вновь
поднимается.*

Чарльз Кингсли

«Размышления в гравийном карьере»

...некоторые вещи тянутся к воде

и ведут себя иначе, когда находятся возле нее.

Оливия Лэнг. «К реке»¹

*Говорю вам тайну: не все мы умрем, но все
изменимся.*

Первое послание к Коринфянам, 15:51

M. John Harrison

The Sunken Land Begins to Rise Again

---

¹ Перев. А. Соколинской.

* * *

Все права защищены. Книга или любая ее часть не может быть скопирована, воспроизведена в электронной или механической форме, в виде фотокопии, записи в память ЭВМ, репродукции или каким-либо иным способом, а также использована в любой информационной системе без получения разрешения от издателя. Копирование, воспроизведение и иное использование книги или ее части без согласия издателя является незаконным и влечет уголовную, административную и гражданскую ответственность.

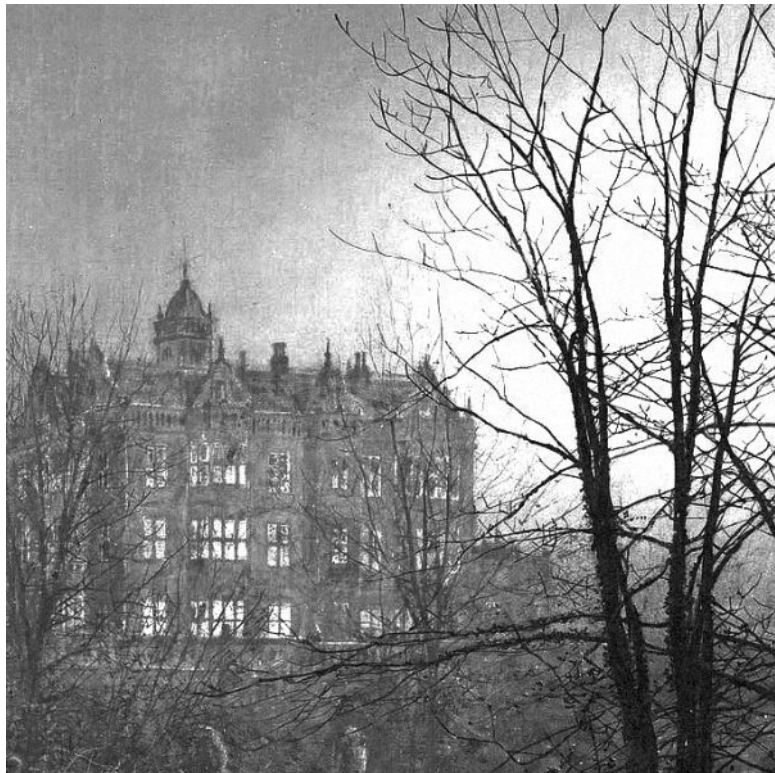
Copyright © M. John Harrison 2020

First published by Gollancz, an imprint of the Orion Publishing Group, London

© С. Карпов, перевод на русский язык, 2022

© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательство „Эксмо“», 2022

* * *

Один

1

Целый день с мертвецами

После пятидесяти у Шоу началась черная полоса. Так он это формулировал для себя. До тех пор его взрослая жизнь была совершенно нормальной. Он стремился к нормальности. Может, в этом и проблема. Так или иначе, теперь жизнь потеряла направление, и пять лет он провел практически впустую. Годы вставали на свои места, как части шкатулки с секретом, и потом уже не открывались. Он мог внезапно очнуться с полной ясностью, скажем, вечером в многолюдной лапшичной, где беседовал с людьми, которых в первый раз видел, глядя через витрину на улицу, забитую новенькими мотоциклами. А потом все снова ускользало и неделю-две он жил в отрыве от себя.

Лучше всего о том, что с ним происходит, описала его знакомая — одна из нескольких женщин, которые за этот период инстинктивно с ним расстались. Звали ее Виктория, и при встрече с новым человеком у нее была привычка объявлять, что она работает в морге. «А, в этом нет ничего такого, — говорила она расплывчато, как бы ты на это не ответил, — все-

таки впервые я увидела труп в четырнадцать».

Мощный заход, особенно в пабе в Хэрни сырым вечером понедельника. У Виктории, сорокалетней дочери врача, были бледно-рыжие волосы, суховатая внешность и подчеркнута бесстрастный юмор человека, страдающего от высокофункционального романтизма. Она была из тех, кто замечает свою нервозность только отчасти; стоило ей смутно уловить собственное волнение, как она проецировала его на тебя и говорила: «У тебя же сейчас совсем нет на меня времени, да? Слышу по голосу». Сперва это смущало Шоу. Тут нужна особая дисциплина, а то накроет и тебя, а когда сам занервничаешь, начнешь исполнять пророчество, поглядывая на наручные часы. В вечер, когда их познакомили, она много пила и все не замолкала о том, что отец ей когда-то рассказал о подвиде людей, от рождения похожих на рыб.

– Правда, – сказала она. – Рыбы. – И широко распахнула глаза. – Разве не здорово?

Шоу не знал, что о ней и думать.

– Никогда не слышал ничего подобного, – честно ответил он. Больше его заинтересовал морг. – Наверное, это странно – проводить целый день с мертвецами, – предположил он.

На это она ответила с необъяснимой горечью и с таким видом, словно речь шла о каком-то переломном событии в ее жизни:

– Ну, они хотя бы никогда не отвечают.

Виктория – то ли Норман, то ли Найман, к этому времени

Шоу уже забыл, – хотела, чтобы ее на что-нибудь уговорили, но у него из всех тем теперь остались только рыболоды. Ее отец рассказывал, что они живут в Южной Америке или где-то в этом роде. Большинство рождались мужчинами, хотя ген передавали женщины. Они могли жить обычной жизнью, делать все то же, что делают люди. Скрываясь в уединении, в глубоких эстуарных² долинах к западу от Анд, они – будучи, возможно, сильнее и уж точно умнее заурядных племен, которые их когда-то изгнали, – образовывали собственные сообщества, и те, хоть и маленькие, выживали и даже процветали.

– Если это правда, – сказал Шоу, – почему их мало? Почему я никогда их не видел?

Виктория рассмеялась так, как смех записывают в интернете: ха-ха-ха-ха.

– Потому что мы не в Южной Америке, – напомнила она. – Мы на Коламбия-роуд. И вообще, он просто подшучивал над своей девочкой. – Она с намеком постучала пустым стаканом, а когда Шоу вернулся от бара, добавила: – А может, ты и *видел*. Может, все мы рыболоды. В том или ином смысле.

Они встречались еще пару раз, переспали, спорили так, как люди спорят, когда больше чем нравятся друг другу; но

---

² От Эстуарий (лат. *aestuarium*) – бухта моря, судоходная лишь во время прилива. Однорукавное воронкообразное устье реки, впадающей в океан или море. Словарь иностранных слов, вошедших в состав русского языка. Чудинов А. Н., 1910. (Прим. ред.)

когда однажды вечером в «Сперстоу Армс» Шоу попытался перевести отношения на какую-то постоянную основу, ее только передернуло. «Ты вроде бы хороший человек, – сказала она, ненадолго взяв его за руку над столом с пустыми стаканами и остатками картофельных равиоли с лесными грибами, – но ты забываешь, что такое жизнь». Правда ли, спросил он себя. Если да, ему-то как узнать? Как в таком случае работает эпистемология?³ На улице шел дождь. В паб со смехом вбегали и выбегали люди, с куртками над головами. У Шоу сдали нервы, продолжала говорить Виктория, а ей своих переживаний хватает, чтобы справляться еще и с чужими. «Если честно, никогда не встречала человека в такой панике». На тот момент ее диагноз показался не столько обидным, сколько бессмысленным. Впоследствии Шоу еще не раз оценит его меткость. А жизнь между тем внезапно закрылась, как дешевый занавес, и они уже почти не виделись.

Страдал Шоу не из-за нервного срыва. Для кризиса среднего возраста было уже как-то поздновато. Дело было не в чем-то таком предсказуемом. Может, думал он, в жизни просто бывают вот такие периоды отката; может, нельзя все время жить в полную силу. Стоило ему от этого освободиться, как он перенаправил себя, будто посылку, настолько далеко от Хэрни, насколько это человечески возможно; рванул

---

³ Эпистемология (от греч. *знание и слово, учение*) – термин, употребляемый для обозначения теории познания. Философский энциклопедический словарь. М.: Советская энциклопедия. Гл. редакция: Л. Ф. Ильичев, П. Н. Федосеев, С. М. Ковалев, В. Г. Панов. 1983.

к юго-западу от Хаммерсмитского моста в тихие пригородные пустоши между Ист-Шином и Темзой, ограниченные с одной стороны Литтл-Челси, а с другой – Шин-лейн. Там он и снял комнату в георгианском домике, где пахло собаками и чем-то жареным.

Выброшен волнами

Рядом с Уорф-Террас⁴ не было верфи или каких-нибудь намеков, что она когда-то была. Аутентичный георгианский фасад, как встарь, тянулся на пол-улицы, но вот дома за ним уже давно нарезали на улыи из комнат с низкими потолками. Шоу снял комнату с мебелью в доме 17, на самой верхушке. Почти все место в ней занимали одноместная кровать и ху-досочный шкаф, пахло комиссионкой. Он думал, что в лучшие времена здесь был коридор или какая-нибудь лестничная площадка рядом с более просторной комнатой. Из окна виднелась между зданиями Темза, над которой по утрам попереk приливной волны висели завесы дождя. За домом был садик, заросший пыльной буддлеей.

Дом 17 отстоял от реки слишком далеко, чтобы до него доносило туман; и все-таки в нем всегда было как-то сыровато. Здесь все казались съемщиками. Большинство – такими же зависшими по жизни, как и Шоу. Они заезжали и через неделю съезжали. У костяка постоянных жильцов шел первый этап карьеры в Хаммерсмите или Фулхэме: может, здесь они проживут дольше других, но в конечном счете такие ме-

---

⁴ Терраса – вид жилой блокированной застройки в Великобритании XIX века, когда однотипные малоэтажные здания стоят вплотную друг к другу вдоль улицы Уорф-верфь. (*Прим. перев.*)

ста не определяют их образ жизни. Когда придет время, эти люди переберутся не дальше, а выше – в комнаты получше, в собственные коттеджи, в провинцию. А пока что они сами перенимали запах дома. И накладывали поверх него свой букет ароматов мыла, дезодоранта и чего-то еще, что Шоу не мог назвать иначе как запахом успеха. Мужчины носили безукоризненные костюмы «Пол Смит» и рубашки «Тед Бейкер» из Ковент-Гардена; женщины были сплошь менеджерами среднего звена в «Маркс и Спенсер»: работа на износ, говорили они, зато там ни о чем не приходится волноваться. В шесть утра они отправлялись на ежедневную семикилометровую прогулку в Ричмонд-парке – все с идеальной походкой, пилатесовым равновесием, худые, как керамический нож, в термобелье из бамбука и компрессионных колготках; по выходным – бассейн и велосипед.

Местные женщины в особенности являли для Шоу парадокс: с одной стороны, его для них как будто не существовало; с другой – его ретро-рубашки для боулинга, подростковые джинсы и поношенные скейтерские кроссовки, очевидно, раздражали. Когда Шоу натыкался на них по вечерам на лестнице, стоящих по две-три, его готовую улыбку не замечали, а разговор продолжался, только когда он уходил. Он другого и не ожидал.

Шоу с самого начала заметил, что в комнате по соседству творится что-то неладное. В первый день – пение во все горло, которое у него смутно ассоциировалось с «Радио 4»; по-

том – стук, отдавшийся даже в его половицах; и голос, отчетливо сказавший «Проклятье!», после чего последовала не менее громкая тишина. Затем снова пение – или, может, всхлипы. Шоу улыбнулся и продолжил разбирать багаж. Он уже успел привыкнуть к бумажным стенам и к тому, что из-за них слышно.

Много времени распаковка не заняла. Он привык и к этому. Из дискредитированной жизни в период до его кризиса, какой бы она ни была, Шоу спас пару помятых картонных коробок с неопределенным содержимым; остальное – только одежда, да и та, даже если складывать кое-как, не заполняла восьмилитровую брезентовую сумку целиком. Футболки со слоганами из мира IT и застиранное нижнее белье «Мудзи» прослаивались всякими важными бумажками – налоговыми формами, чеками, уведомлениями об увольнении от того или иного кадрового отдела. Еще он нашел дорожные часы, смартфон второго поколения, у которого батарея не держала заряд, и два-три нечитанных романа из «современной классики», в том числе «Воришку Мартина».

Достав и реабилитировав, что получилось, Шоу отправился знакомиться с соседями. Без ответа: хотя, когда он постучал, померещилось, будто дверь дернулась, словно жилец сперва потянул ее на себя, а потом передумал. На лестничной площадке стоял холод. Через зарешеченное оконце просачивался слабый речной свет. Слышалось, как на Мортлейк-роуд нарастает шум вечернего движения. Шоу прило-

жил ухо к двери.

– Эй? – позвал он. Заметил, что вдоль всего плинтуса в штукатурке идут вмятины и царапины, будто давным-давно каким-то скучным днем кто-то обходил площадку и методично пинал стены. Устав от одной мысли об эмоциональной отдаче, которую наверняка потребовало такое предприятие, Шоу ретировался к себе и там представил, как в сумрачной соседней комнате на краю кровати сгорбился силуэт в рубашке и трусах. Кто-то вроде него самого, размышляющий, открывать дверь или нет.

Неделю-две так все и продолжалось.

Он снова стучался. Приклеивал к двери офисным пластилином записку – «Привет, я недавно переехал в соседнюю комнату», – и взял в привычку поджидать у своей двери, пока на площадке не послышится движение, и тогда резко открывать. После такой засады удавалось заметить только уходящую спину. Но вообще движение на лестнице было, особенно по ночам. Повышенные голоса. В два ночи кто-то ронял на площадке что-то тяжелое, а внизу в это время кто-то не отпускал звонок или неразборчиво кричал с улицы. Соседнее окно с долгим кряхтеньем поднималось в раме, покоробленной за многие годы речным туманом. На следующий день Шоу мог заметить на площадке фигуру, спешившую к общей ванной, которую затем занимали дольше, чем может понадобиться нормальному человеку; внутри потом всегда стоял запах. Все это казалось удивительно старомод-

ным. Поведением из пятидесятих или шестидесятых годов прошлого века, когда строгая, хотя и отживающая свое общественная мораль вынуждала съемщиков однушек по всему Лондону, от Эктона до Тафнелл-парка, жить, будто в каком-то тайном сне, хотя сейчас такая жизнь считалась совершенно нормальной.

На юго-западе Лондона Шоу было удобно. Здесь уже проживала его мать – в доме для больных старческой деменцией на другом конце Туикенема, по шоссе A316.

В свой первый приход после переезда Шоу застал ее в общей комнате на первом этаже, стоящую с таким видом, будто она только что от кого-то отвернулась, – высокая угловатая женщина в кашемировом комбинезоне и шерстяной юбке цвета вереска, слегка ссутулившаяся, уставившаяся в окно на пустой сад. Она повторяла: «Дни пролетают так быстро. Просто дни пролетают так быстро», – а плечи у нее как будто свело от чего-то среднего между страхом и гневом. Шоу уговорил ее подняться к ней в комнату и там сидел и держал за руку, пока она не успокоилась. Впрочем, даже тогда мать не обращала на него внимания – только встала посреди комнаты и прошептала:

- Сейчас на улице хорошо. Пойду займусь садом.
- Да ты присядь сперва, – пытался убедить ее Шоу.
- Не дури! – закричала мать. – Не хочу я садиться. Я займусь садом, но сперва найду сапоги.

– Иди сюда и сядь, а я попрошу принести нам чай.

Она отвернулась от него всем телом и пожала плечами.

– В молодости я бы в жизни такое не надела, – рассеянно произнесла она.

– В это я верю, – ответил Шоу.

– Нам не принесут чай. Нечего и ждать чай в такой час.

– Давай все равно попробуем. Посмотрим, вдруг получится.

– Ох, где же мои туфли? – спросила она себя голосом четырехлетней. С отвращением взяла свою юбку за подол. – Где мои красивые туфли?

Как оказалось, нет ничего проще чая.

– Вот видишь? – сказал Шоу. – Нет ничего проще.

– Люди только рады услужить, когда им хочется.

Чай пили молча. Часто ее было трудно разговорить, всегда – трудно понять, на какую тему с ней разговаривать. Ему казалось, она ждет, что он начнет вспоминать с ней прошлое, – но только начнешь, как она горько смеялась и смотрела в стену. «Тот раз, когда меня пропонило по дороге домой из школы, – помнишь? Как же ты ругалась!» Те слова, которые ему бы сказать хотелось, в итоге так и не шли. Их отсутствие только больше наполняло комнату гневом. Шоу казалось, он должен рассказывать ей новости, но в итоге не понимал, что за новости-то – на какую тему. К примеру, связь с родней Шоу не поддерживал; как, подозревал он, и она. Семья для них обоих была темой деликатной. Пересказывать новости

страны казалось неуместным. В итоге он всегда возвращался к своим собственным; все равно она по большей части не слушает, знал он.

– Новое жилье, – начал он, – мне там нравится...

– Моя мать была настоящей христианкой, – сказала она внезапно. – Но с нами – никогда. С нами – никогда. – Стоило матери завладеть его вниманием, как она аккуратно поставила чашку и отвернулась к окну. – Скоро пойдет снег.

Шоу тоже поставил чашку. У чая был металлический привкус, словно он разъедал ложку.

– Так май же, – напомнил Шоу.

– Люблю снег. В нашей молодости снежинки падали в море, большие, как пенни, – а потом не совсем своим голосом: – Я очень быстро разлюбила родителей. Они меня унижали, когда мне еще и пяти не исполнилось. Я была милой смирной девочкой, но нервной. Все время нервничала. Любила пляж. Любила рыбалку. Любила рано вставать и поздно ложиться. – Она пренебрежительно усмехнулась. – Слишком волновалась в одиночестве, слишком волновалась в компании. Лучше всего мне было с кем-нибудь наедине. Я боялась отца и очень боялась деда. Дед подарил мне свою старую удочку для морской рыбалки, но рыбачить мне больше нравилось с дядей. – Ее лицо преобразила широкая улыбка. – Снег на море!

– Лето же, – сказал он, – снега не будет.

Она смотрела в окно и тихо улыбалась.

Шоу попробовал еще разок.

– Мне нравится в новом жилье, – сказал он, – но там грязновато. – Он уже начал избегать ванную: она была без окон, с виду больше, чем позволяли размеры лестничной площадки, и освещалась сорокаваттной энергосберегающей лампочкой, заполнявшей помещение ровным желтовато-бурым сумраком. Посреди протертого линолеума в шахматную клетку стояла старомодная чугунная ванна – со сколотой эмалью, с затвердевшим у кранов известковым налетом и несмываемой отметкой уровня воды – какого-то химического вида. Была там и отдельная душевая кабинка. Включишь кипяток – из слива тянет плесенью.

– Когда я зашел в туалет в первый раз, мне показалось, я что-то увидел в унитазе! Решил, что ноги моей там не будет, пока лично все не вычищу.

Он и ванну пытался вымыть – перед тем, как постирать в ней нижнее белье в вечер пятницы, когда дом вроде бы опустел. Приливная линия так и не поддавалась – медьсодержащая, скользкая, запечатлевшая какое-то таинственное полуводье.

– Тебе сколько лет? – спросила мать. – Пора бы уже вырасти.

Шоу пожал плечами.

– Не валяй дурака, – предупредила она. – Не жди, пока начнется жизнь. Я вот вечно ждала, когда она начнется. Мне все подряд казалось удачным началом, а потом оказалось,

что это и есть жизнь.

– Это у всех так, – сказал Шоу.

– Правда? Все так живут, значит?

Какое-то время оба молчали. Она смотрела на что-то в саду. Шоу смотрел на нее.

– Все, что должно было случиться в двадцать лет, – продолжила она, – у меня растянулось на всю жизнь. Мне семьдесят пять, а я только-только накопила достаточно, чтобы, наконец, начать. – Потом она села, набрала в рот чай, наклонилась над столом и – глядя Шоу прямо в глаза, как младенец, – выпустила чай струйкой на скатерть. – Что мне теперь осталось? – спросила она. – Вот ответь.

Он ненавидел ее моменты просветления, но они всегда были ненадолго.

Когда он поднялся, чтобы уйти, она уже опять смотрела в окно. Дождалась, пока он прикроет дверь, и тогда сказала удивленным голосом:

– Джон! Джон! Не уходи! – но только он вернулся, как снова завела свое «Дни пролетают так быстро», – пока он не пожал плечами и не закрыл за собой.

– Я не Джон, мам, – сказал он. – Не угадала.

Согласно политике дома престарелых, персонал обращался к своим подопечным по имени; но его мать всегда называли «миссис Шоу».

Он нашел у себя в комнате телефонную розетку и опла-

тил связь. Через несколько дней телефон зазвонил, и голос в трубке спросил:

– Это Крис?

– Крис здесь не живет, – ответил Шоу.

– Его нет? Криса?

– Видимо, вы ошиблись номером.

Голос назвал номер, но Шоу разобрал его только наполовину.

– Крис здесь не живет, – повторил он. – Вы по поводу телефона? – Без ответа. – Думаю, вы ошиблись. – Когда клал трубку, расслышал, как голос сказал: «Видимо, я ошибся номером». И тут же начал переживать, что, ослышавшись и не узнав кого-то знакомого, пропустил свой первый звонок на новом месте. Снова снял трубку и набрал 1471 на случай, если получится узнать номер, с которого звонили. Перебрал вещи в поисках записной книжки, которая, как он думал, у него есть, но это оказался дневник десятилетней давности с записью от 1 января: «Будь общительней».

Рыбка-талисман

В тот же день он позвонил Виктории Найман.

– Здравствуй, незнакомец, – сказала она. – Что там с тобой происходит?

– А что там с *тобой*?

– Да не особо что. – Она ненадолго задумалась. – Машину вот купила. Это же здорово, да? Я всегда хотела машину.

И после паузы:

– Ты в порядке?

Шоу сказал, что в порядке. Пришлось признать, что у дома, где он теперь живет, есть свои минусы – не смог промолчать насчет унитаза, шума из соседней комнаты, – но зато рядом река, а он как раз увлекся ее психогеографией. Он много гуляет, рассказывал Шоу Виктории, продвигается дрейф за дрейфом⁵ на север по Брент: от лодочных верфей у ее слияния с Темзой, мимо Уорнклиффского виадука и зоопарка, в сторону шоссе А40 у Гленфорда. Там сплошь больницы и спортивные парки, грязь и детоубийства. «Но и пабы удивительно хорошие». Виктория выслушала отчет молча; потом заявила, что – по крайней мере, на ее взгляд, – он какой-то

---

⁵ Понятие из психогеографии, предложенное в 1956 году Ги Дебором. Означает беспорядочные прогулки и исследования городских объектов с точки зрения эстетики и личного интереса.

подавленный. Сегодня он ничем не занят? Потому что она без проблем может заехать после работы – может, завезти какой-нибудь подарок на новоселье? Шоу сказал, что не надо, ей же это крюк, не стоит того, у него правда все нормально.

– У меня правда все нормально.

– С чего ты взял, что для меня это крюк? – спросила Виктория и добавила: – Поверь, судя по голосу, тебе хреново.

– Ну спасибо.

– Не благодари, пока не увидишь подарок.

– Я сперва услышал, будто ты сказала «на невеселье», – сказал Шоу.

– Жди меня в семь или, если будут пробки, в полночь.

Вдруг заволновавшись, он предложил:

– Давай тогда встретимся не у меня. Давай где-нибудь еще.

И они пошли в паб на Кинг-стрит в Хаммерсмите, потом перекусили форелью тандури у индуса на рынке чуть севернее «Премьер-Инн». Виктория как будто нервничала.

– Как тебе моя прическа? – спросила она.

Какие-то прореженные волосы, с центральным пробором, срезанные с каким-то искусственным непрофессионализмом чуть выше подбородка, они жидко липли к лицу и лбу, устало кучерявились на концах.

– Нео-«синий воротничок», – сказала она. – С некоторых ракурсов смотрится очень выгодно, хотя уже вижу, что ты не согласен.

За вечер она опустошила бутылку домашнего красного – «Не на что смотреть. В этом без изменений», – и рассказывала о своей машине. Шоу сказал, что остановится на пиве. Когда он признался, что из него никудышный водитель, она опустила глаза на обугленные хвосты и окрашенные в красное останки рыбы в тарелках, на прозрачные кости, напоминающие окаменелые отпечатки листьев, и сказала:

– А из кого кудышный? Дело не в вождении. Теперь я часто выбираюсь к морю. – Она рассмеялась и неловко изобразила, как крутит руль. – На север и на юг. Гастингс и Реден. Очень медленно. И Дандженесс, конечно.

Потом:

– Кажется, я переросла Лондон.

И наконец:

– Мне нравится, как выглядят позвоночники у этих рыбок, а тебе?

– Я вижу только одно, – сказал Шоу, у которого почему-то полегчало на душе, – свой ужин.

Потом признался:

– Когда мы встречались в последний раз, я был не в лучшей форме.

– Мало что изменилось. – Она рассмеялась над его выражением лица. – Да брось! Понятно, что кто бы говорил! Я-то уже с тринадцати не совсем в своем уме...

Шоу подлил ей еще.

– Это тогда ты увидела труп? – спросил он с надеждой.

– Хотя у меня наступал момент просветления – где-то в 2005-м, в сауне. – Она оглядела ресторан с таким видом, будто ожидала увидеть знакомого. – В конце концов в плане просветлений привыкаешь брать, что дают. Людям нужно ощущение, что они остепеняются.

– Да, это штука важная, – согласился Шоу, хотя понятия не имел, о чем это она говорит. Виктория все равно его, похоже, не слышала.

– Вообще-то я даже не уверена, что это стоит называть просветлением, – сказала она и добавила: – Кстати об этом, как там твоя мать? – А потом, не давая времени на ответ: – Знаю-знаю, тебе не хочется всем этим заниматься. А кому захочется? Моя вот совершенно слетела с катушек в тот же день, когда умер мой отец. Если честно, после этого мы с ней почти не виделись. Я жила здесь, она – по-прежнему где-то в Мидленде, на севере. Мне казалось, у нее – своя жизнь, у меня – своя.

Он тут как раз думал на эту тему, ответил Шоу, и решил, что одни семьи держатся вместе, а у других – скорее баллистические традиции. Вторые очень быстро разучиваются терпеть и прощать друг друга. Не в силах уладить конфликт, члены семьи разлетаются в стороны, заводят себе новую жизнь. Но и она не приживается.

– Они, – говорил он, – теряют способность поддерживать любой миф, кроме своего собственного.

Виктория уставилась на него так, будто он ненадолго стал

интересным незнакомцем. Потом сказала:

– Они оба уже умерли.

Виктория слишком много выпила, чтобы садиться за руль. Ее машину они оставили в Хаммерсмите, где она припарковалась, а сами прогулялись пешком вдоль реки до дома 17 по Уорф-Террас. Там она деловито обошла комнату, словно пришла купить подержанную мебель.

– Кровать что-то маловата, – сказала она, весело глядя на него. Перебирая книжки, нашла Джона Фаулза; скривилась. – Не может быть, чтобы он тебе нравился. Не верю. – Потом: – А вот и пресловутая общая стенка! – Она постучала по ней костяшкой, словно проверяла древнюю штукатурку на прочность. Приложила ухо. – Сейчас он вроде бы затих, твой неведомый сосед.

Шоу нашел, что им еще выпить, – остатки на доньшке литровой бутылки «Абсолюта», такой давней, что ее плечи стали липкими от вязкого грязного воздуха Лондона, – и, сидя на краю кровати, развернул гостинец на новоселье.

– Ты только посмотри! – сказала она так, словно они поменялись ролями и это Шоу дарил ей подарок. Серебро, составное тельце тринадцати-пятнадцати сантиметров в длину, с боковыми плавниками на петельках. – Это из Перу, – объяснила Виктория. – Рыбка. Довольно старая, 1860 год.

Шоу взвесил рыбку на ладони, осторожно подвигал один плавник. Чешуя была мутная и холодная.

– Привет, рыбка, – сказал он.

– Вот видишь, – сказала Виктория. – Тебе нравится. Тебе уже нравится.

– И правда нравится.

– Тогда иди сюда и отблагодари меня как следует.

Позже, возвращаясь с одной из частых вылазок через лестничную площадку, она задержалась снаружи, уперлась руками в косяк и свесилась в комнату – освещенная ярко, как гравюра, ребра и ключицы выдавались, словно затвердевающая рябь на сыром песке, – и с насмешливым отвращением разглядывала кровать, старое потертое кресло и разбросанную одежду, окно без занавесок.

– Чего? – сказал Шоу.

– Ой, и не знаю.

– Да не, скажи. Чего.

– По соседству ничего не происходит. Никакого спектакля. Я разочарована. Похоже, ты заманил меня сюда ради собственных целей, ты, одинокий мужчина. – Потом: – О господи, ну и ванная. Почему мы так живем?

– Кто это «мы»? Насколько я помню, у тебя в Далстоне хороший дом по ипотеке.

– Ну ты меня понял.

Шоу согласился.

– Вернись в постель, – предложил он.

Но она подошла к окну и окинула взглядом Уорф-Террас, где по улице носило легкий ночной дождик, а у верхних этажей зданий напротив висел слабый, но узнаваемый запах пи-

воварни «Ин Бев».

– Ты не чувствуешь какого-то неудовлетворения? Не хочешь чего-то большего? – Она подняла створку, подперла Фаулзом и подставила ладонь под дождь. – Я подумываю переехать, – сказала она. – Из Далстона, вообще из Лондона. Вряд ли перееду, конечно. Не знаю. – Вдали, на чизикской стороне реки, пропиликала «Скорая», как будто бесконечно удаляясь куда-то наискосок. Виктория прислушивалась, пока не настала тишина, потом вернулась в кровать и, не успев он защититься, потерла ему живот мокрой холодной рукой.

– Дергаешься, как девчонка, – заметила она. – Такая милота.

От секса она как будто делалась только беспокойней. То и дело вскакивала, звала во сне и ушла за своей машиной еще до первого света. Шоу поискал в комнате, будто еще мог ее найти. Она оставила записку под рыбкой из Перу. «Рада была опять поговорить! Напишу, когда разберусь в жизни! Твоя подруга Виктория!» Рыбка таращилась на него глазами из бирюзового стекла, вставленными над архаичным толстогубым ртом. «Мы были здесь до того, как вы пришли, – как будто молча предостерегала она. – Мы будем здесь после того, как вы уйдете». Пока он спал, Виктория, видимо, прочитала пару страниц «Воришки Мартина» и оставила на полу корешком вверх. «Кажется, ты еще не успокоился, – говорилось в постскриптуме, – но я уверена, что успокоишься. Уверена. В смысле, скорее, надеюсь. Надеюсь».

На самом деле он был вполне доволен жизнью. Жить без жизни – большое облегчение. Он читал. Навещал мать в доме престарелых. Искал новую работу в айти, а когда не нашел, блуждал по берегам Темзы, иногда вниз по течению до Патни, где ел мороженое в Бишопс-парке, но чаще – вверх по реке через Чизик, до слияния с Брент и дальше. В десять утра в пабах Темзы – старомодных, ветхих и лабиринтовых, вынужденных осваивать доступное пространство сложным образом из-за того, что втиснулись между дорогой и рекой, – царило странное гостеприимное спокойствие. В них никого не было. Их сероватый дощатый пол и старые столы освещались речными бликами. Шоу выпил полпинты в «Буллс Хед» в Стрэнд-он-зе-Грине; потом перекусил сэндвичами с помидорами в «Фоксе» у Хэнуэллского моста. Вечером, когда бары неумолимо заполнялись в часы окончания работы, он пробивался в сторону дома из закутка в закуток по тому или другому берегу, часто – через кладбища, распределенные между домами: Старое Мортлейкское кладбище, Новое Фулхэмское; крошечное затаившееся кладбище Святой Марии Магдалены, украшенное трудами Изабель Бертон трагикомическим мемориалом в виде палатки – в честь великого ориенталиста; Старое Барнское кладбище в густой чаще, заброшенное в 1966 году, – превосходное туристическое направление недалеко от скандального гостевого дома «Элм» на Рокс-лейн. Однажды вечером на этом маршруте, почти у

дома, Шоу набрел на мужчину, стоящего на коленях в коша-
чьей мяте, растущей у забора в забытом полуакре надгробий
рядом с Саус-Уорпл-вэй.

Шоу остановился и пригляделся.

– У вас все в порядке? – окликнул он.

Тот отозвался, что в порядке. На первый взгляд незнако-
мец будто что-то искал в обычном кладбищенском мусоре;
но этот слой – по большей части использованные презерва-
тивы и обертки – он скоро соскреб, обнажив под ним волок-
нистый черный мусс, а в нем – неглубокий отпечаток в фор-
ме следа, с неуловимым бликом воды на том месте, где уга-
дывался мысок. Его он принялся углублять, с силой впива-
ясь в почву пальцами, ловко выворачивая и отбрасывая кор-
ни, пока не получилась ямка с грязной водой где-то пять сан-
тиметров в глубину. В нее – быстро и воровато, словно под-
тверждая ощущение от остальных своих действий, – он оку-
нул викторианский медицинский флакончик из ребристого
стекла.

– Вам это будет интересно, – пообещал он. – Это почти как
в детстве, ловить сеткой в пруду. – Он заткнул фиал боль-
шим пальцем, быстро встряхнул и поднял на свет далекого
уличного фонаря.

– Видите? Видите?

Шоу сказал, что ничего не видит.

– Ничего? О боже. Точно? Ну что ж. Тогда давайте вы-
пьем.

Он посмотрел на пальцы, черные от прополки кладбища.

– Меня зовут Тим, – сказал он. – Руку пожимать не буду.

Хотя в почве есть природный антидепрессант.

И, когда Шоу в ответ только уставился:

– *Mycobacterium vaccae*?

– А, – сказал Шоу.

– Усваивается через кожу.

Через пять минут они сидели в тепле и громкой музыке паба «Эрл оф Марч», окруженные практически одной молодежью. Тим был высоким, лет пятидесяти, со слегка искривленным позвоночником, словно целыми днями работал ссутулившись. Он носил дезерты «Кларкс», джинсы и белую рубашку – будь он молод, это выглядело бы вполне элегантно. Было видно, что раньше он был худым, но теперь стал шире в плечах и в животе прямо под ребрами. Хотелось сказать, что он нарастил жирок поверх своего неизбывного мальчишества; и что это показывало необратимые границы в его характере. Шоу казалось, если Тима на что-то направить, он вложится всей душой; а так будет выглядеть одержимым неудачником. Да он уже сидел с таким видом, будто подвел Шоу.

– Иногда их проще разглядеть, – извинился он.

– А кого ты искал-то?

– Знаешь блог, который все читают? «Дом воды»? Кто-то говорит, там во всем правы.

Шоу, понятия не имевший, о чем речь, задумался, что бы ответить, потом признался:

– Я редко бываю в интернете. Слишком похоже на работу. Они угостили друг друга парой стаканов, потом распрощались.

Позже тем вечером в доме 17 по Уорф-Террас стоял шум – кто-то без конца ходил туда-сюда по лестнице и в соседней комнате. Сменяя один безутешный сон о Виктории на другой, Шоу расслышал голос: «Вы можете, блин, заткнуться? Можете заткнуться, блин, для разнообразия?» – И не сразу в замешательстве понял, что голос – его собственный. Он колотил в стену, потом опять уснул. На следующее утро снова пересекся с Тимом – в этот раз тот бесцельно брел через Черч-Роуд в Барнсе с одеждой из химчистки. Левый глаз у него заплывал, чего еще вчера Шоу не видел.

– Никто не знает, как правильно носить одежду из химчистки, – сказал Тим. – Одна из главных загадок человечества. – Свою он накинул на обе руки и прижимал к груди, будто это что-то намного весомей хлопковой куртки и чиносов; намного увесистей.

– Такой вопрос: тебе не нужна работа? – спросил он.

У него был собственный офис в плавучем доме, стоявшем в ста метрах ниже по течению от слияния Темзы с Брент. Изначально это был лихтер, ходивший по Темзе, – ржавый, широкий, тупорылый. Пришвартованный всевозможными способами – тяжело провисающими канатами, веревками и цепями, вялыми тросовыми леерами трапа, – словно Тим бо-

ялся, что лихтер уплывет от него – или без него. Но прилив как будто еле поднимал судно – оно погрузилось в ил с таким видом, что, можно подумать, уже никогда не сдвинется. Большую часть палубы занимал прямоугольный деревянный домик.

– Что скажешь? – спросил Тим, когда они пришли в первый раз.

Шоу оглядел лихтер с носа до кормы. Он ничего не понимал в кораблях.

– Впечатляет, – сказал он. Ему здесь понравилось с первого взгляда, хоть он и сам не знал почему.

Внутри салон был выкрашен беловатой краской, из мебели там были два стола, сдвинутые вместе под картой мира с океанами и сушей, окрашенными в такой цвет, словно они поменялись местами: континенты напоминали океаны, океаны напоминали континенты. Одно большое окно с металлическими жалюзи выходило на реку, другое – на бечевник.

– Работа не бей лежачего, – сказал Тим. Оказалось, надо всего лишь перекладывать бумажки и отвечать на звонки. – Я тут буду не всегда. Ты сам себе начальник. – Шоу ответил, что его это устраивает. Он справится без присмотра. И раньше справлялся. – Могут понадобиться командировки, – предупредил Тим. – Что-то вроде работы по продажам.

Шоу ответил, что его и это устраивает, хотя следует прояснить, что в этом роде занятий опыта у него нет. Они договорились об окладе, а также что работу не будут нигде ре-

гистрировать. Договорились, что начнет он со следующего понедельника. Последовала пауза, пока Шоу пытался найти туалет; тут была еще одна дверь, но закрытая на навесной замок.

– У меня есть ключ, – сказал Тим. – Она никуда не ведет. Это напомнило Шоу сон, который иногда ему снился, о том, как он входит в комнатку, заваленную бескровно ампутированными ногами – все они зловещего синевато-белого цвета и чуть больше человеческих. Как только за ним захлопывалась дверь, выход как будто исчезал. Но тут распахивалась другая дверь, или падала целая стена, и можно было войти в следующую комнату, и в следующую – в бесконечной последовательности. Страх гнал его все дальше. Стены падали и падали, двери открывались и открывались, будто стены и двери в рекламе мобильного интернета. В каждой новой комнате валялось столько ног, что Шоу становилось нехорошо. На них были носки цветов стран Евросоюза, часто они были чисто срезаны вдоль уже не существующей складки у паха. За этим штабелем ног скрывался не столько смысл, сколько *целая возможность смысла*, сосредоточенная в одном конкретном образе. Что-то подразумевалось. И не могло не раскрыться. Одновременно неизбежное и неизбежное. Шоу понимал, что расшифровывает язык снов, в котором структура и содержание – это одно и то же. И все же его тянуло проснуться; и в конце концов он, каждый раз радуясь спасению от собственной разлуки с каким-то от-

сутствующим телом, просыпался.

– Значит, в следующий раз встретимся в понедельник, – пообещал он Тиму, пока они неловко прощались на залитой солнцем постмодернистской набережной Сопхаус-крик; только чтобы через несколько часов его опровергли.

19.30 – начало обычного вечера пятницы в доме 17 по Уорф-Террас. Из офисов в центре «Хаммерсмит-Бродвей» нехотя возвращались по одному – по двое юристы. Кто-то только что принял душ. Пахло кокосовым шампунем. Этажом ниже смыли туалет. Заиграла музыка – что-то бодренькое, но в то же время задумчивое, с блуждающим басом. Через пыльное окно лестничной площадки проникал золотой свет, тускло-роскошный. Шоу по пути на улицу, одевшись для посещения матери в доме престарелых, удивился при виде человека у двери соседней комнаты. Тот склонился над замком и не попадал ключом в скважину. Это был Тим. Впав в ступор, в течение секунды Шоу видел два наложенных друг на друга образа: знакомого человека и незнакомого. Из-за замешательства он смог обратиться только к последнему, услышав собственный голос:

– О, привет! Двери тут паршивые, да?

Тим слабо улыбнулся с открытым ртом и снова принялся возиться с замком. Ключ щелкнул, дверь распахнулась – Тим вошел.

– Все это время здесь жил ты? – окликнул вслед Шоу.

Дверь закрылась. Через секунду-другую снова открылась, всего на пару дюймов, только чтобы в просвете показалась голова Тима – чуть ниже, чем можно было бы ожидать, если бы он стоял прямо.

– По-моему, нам лучше об этом не говорить, – сказал он. В золотом свете его фингал под глазом напоминал инкрустированную сливу; второй глаз как будто смотрел в сторону. За его спиной виднелась смутная тень, неуловимые очертания комнаты.

– Я не мог поверить своим глазам, – говорил Шоу матери. – Все это время мы жили по соседству! Самое странное, что мне даже не нужна работа. Если серьезно.

– Всем нужна работа, – сказала мать.

На миг ему показалось, что она действительно слушает, но стоило такой диковинке – ответу – привлечь его внимание, и мать тут же, как обычно, уставилась в угол комнаты и назвала его чужим именем. Этих имен у нее был неисчерпаемый запас. Они говорили о глубокозалегающем слое ее жизни – теперь перекошенном, сумбурном, отрывочном.

– Я Алекс, мам, – решил проверить он ее. – Я Алекс.

Она презрительно уставилась на него.

– Не понимаю, почему ты не можешь ничего наладить, – сказала она, – или хотя бы научиться жить с тем, что есть, если наладить не получается. В этом же и есть жизнь.

Шоу пожал плечами.

– Справляюсь, как умею, – сказал он.

Насколько понимал Шоу, у него было несколько братьев и сестер от предыдущих браков и романов матери. С двадцати лет она каждые пять лет уходила от очередного мужчины и заводила новую семью в другом месте. Все дети ее ненавидели, потому что думали, что она их обделила; ненавидели друг друга, потому что им приходилось делить ее одну на всех. Большинство переехало в Канаду, Южную Африку, Австралию. Уже трудно было сказать, кто есть кто, потому что она рассказывала противоречащие друг другу версии еще до того, как пустила корни деменция.

– В любом человеке меньше всего, чем кажется на первый взгляд, – сказала она Шоу, когда он уходил. – Ты всегда был сволочью, Уильям.

– Вообще-то нет.

4

Анабасис

Любимой песней Шоу была «Janitor of Lunacy» от Нико. Любимым фильмом – который бесконечно пересматривался на тринадцатидюймовом «макбуке» с резиновой подставкой, пострадавшей во время какого-то перегрева, от чего у нее навсегда остались цвет, текстура и очертания бобового гриба, растущего на дереве, – неонуар 1975 года «Ночные ходы» Артура Пенна. Его Шоу предпочитал смотреть с кем-нибудь еще, чтобы радостно показывать конкретные моменты, когда детектив в исполнении Джина Хэкмена упирается – сам того не понимая – в пределы своего эмоционального интеллекта. А в одиночку он, как правило, включал фильм поздно ночью, делая так тихо, что с трудом слышал диалоги, и наблюдал с пристальностью криминалиста, как Хэкмен все больше нервничает и подсознательно смиряется со своим неизбежным роком.

После кризиса Шоу отставал во взаимодействиях с людьми. Ему казалось, будто события происходят слишком быстро и слишком законченно – либо будто вообще ничего не происходит. Раньше он был нормальным человеком. Теперь считал, что в основном он оторван от потока событий. Во время своей первой командировки ему надо было забрать из офиса какие-то старые картонные коробки, а потом со-

проводить Тима на поезде до другого города.

Отбыли они так рано, что еще стояла темень. В пути поезд — из девяти вагонов с кондиционерами, мастерски настроенными так, чтобы зимой было слишком тепло, а летом — слишком холодно, — казался необычно бесшумным и церемонным. Пустым. Поставив коробки на багажную полку, Тим спросил Шоу о предпочтениях в выборе мест, тут же добавив, что обычно садится у окна.

— Да можно сесть где угодно, — заметил в ответ Шоу.

Через какое-то время Тим достал небрендовый планшет, зашел на сайт под названием «Дом Воды» и начал прокручивать самые новые записи. Скоро он уже кивал и хихикал, читая какой-то коммент, поворачивался к Шоу и заговорщицки улыбался, словно будет рад поделиться. Шоу украдкой косился на экран — «Образец генома денисовского человека», прочитал он, а потом: «Un couple préhistorique enlacé découvert en Grèce»⁶, — затем наблюдал за пейзажем, проносящимся за окнами на другой стороне вагона со скоростью сто пятьдесят километров в час. Прошелся до вагона-ресторана и купил сэндвич с сыром и помидорами, который съел на своем месте, глядя поверх ослепительно желтых полей рапса и медленно пережевывая мокрый хлеб. Поезд шел со всеми остановками. Каждый раз, когда он трогался, динамики шептали: «Добро пожаловать на поезд „Вирджин“».

Недалеко от пункта назначения Тим выключил планшет

---

⁶ В Греции обнаружена обнимающаяся доисторическая пара (фр.).

и сказал:

– Когда доедем до «Умного Мира», будем говорить с Хелен. Хелен – пустое место, но начнет делать вид, будто что-то из себя представляет. Не хочу, чтобы тебя удивляло то, что она скажет.

Шоу понятия не имел, как на это ответить. Молча посидел минуту-другую, потом сказал:

– «Умный Мир»! – и рассмеялся. Посмотрел в окно. – Никогда не могу привыкнуть к скорости поезда.

– На месте я скажу, что делать, – сказал Тим.

Шоу доел последний кусочек сэндвича. Это был уголок, без сыра или помидора. Он ненавидел, когда во рту остается вкус маргарина.

– Понял, – сказал он. Потом добавил: – Не надо говорить о женщинах, что они ничего из себя не представляют.

– Это тут ни при чем, – сказал Тим. – То, что Хелен – женщина, тут ни при чем.

– Добро пожаловать на поезд «Вирджин», – снова произнес голос. Поезд точно было не назвать девственно-чистым⁷, скорее масляным. Кресла масляные. Убогие подносики на спинках кресел – масляные. Маслянистость перебиралась на руки и личные вещи, и потом они слегка липли друг к другу. Кончики пальцев отходили от всего с неслышным, но каким-то ощутимым «чпоком».

– Никогда не чувствуешь, как прилипают, – сказал Шоу

---

⁷ Virgin – девственный (англ.).

Тиму, – но всегда чувствуешь, как отлипают.

Тим не ответил. По окну наискосок брызгал дождь.

Когда они приехали, лучше не стало. Их ждал какой-то унылый городишко, живущий мелкомасштабным производством, сорок пять тысяч душ где-то в Поттерис, в сотне миль от чего угодно. Тучи чуть ли не касались крыш. По запустелому скотному рынку и рядом с отелем «Мидленд» дул ветер, тянул рваный дым из трубы цементной фабрики. Тим не стал брать такси, так что они с тремя коробками на брата прошли мило до пешеходного центра под дождем, пока вокруг просыпался город. За центральным лабиринтом новостроек, вдоль стены «Маркс и Спенсер» размером с целый пригород, зябкие бессмысленные пандусы и лестницы спускались в позабытый край витрин конца девяностых – таблички неразличимы, стекло – палимпсест древних плакатов и выцветших уведомлений о закрытии.

Теперь, когда «Умный Мир» стал очередной точкой продаж и не работал в полную силу, было невозможно сказать, чем он торговал во времена расцвета. Вдоль плинтуса по краям просторного ламинированного пола лежали сугробы снежных упаковочных бусин. С обшарпанных стен свисали перекошенная фурнитура и пучки пыльных проводов. Громоздкая белая стойка напротив входа – кривая и как будто временная – оказалась холодильной витриной, ее полки были заставлены всякими коллекционными товарами, в основном книгами и журналами в желтеющих пластиковых облож-

ках. За витриной, сложив руки на груди, стояла без дела Хелен – женщина лет сорока с раздраженным видом, наполовину невидимая в тусклом бледном освещении, в ярко-синем деловом костюме, отбивающаяся от наступления какой-то знакомой скуки. Она выглядела так, будто устала, но в то же время готова к работе. Она выглядела как чья-нибудь мать, подумал Шоу; но не его. Казалось, она не рада Тиму, который без обиняков перешел к делу:

– Он на месте?

– Ты же знаешь, по средам его никогда не бывает.

Пока она отвечала, Тим оглянулся через плечо. С ней любой разговор может быть лишь временным, гласил этот взгляд. Лишь эрзацем чего-то более удовлетворительного. Настала пауза, после которой Хелен пожала плечами и продолжила:

– Он ничего не захочет. Надо было сперва позвонить.

– То, что я привез, он захочет.

– Теперь мне самой придется ему звонить, ты же знаешь.

Он считает, нам нужно что-то менять.

Тим начал сдирать упаковочную пленку с одной коробки. Спешно, словно ему грозили сроки.

– Это он захочет, – сказал он. – Не изволь волноваться.

Хелен слабо и насмешливо пожала плечами, но звонить никому не торопилась; а после краткого взгляда на содержимое коробки даже разрешила оставить их на складе.

– Но не открывай, – предупредила она, – а то потом бу-

десь говорить, что возврату не подлежит.

Склад – узкое помещение, куда вела дверь за холодильной витриной, – на середине перегораживали велосипед в пластиковой пленке и какие-то заляпанные краской стремянки. Духота здесь пахла чистящими средствами, развернуться можно было только с трудом, а все вещи выглядели так, будто им было бы удобней где угодно еще. Когда Шоу зашел туда один, ему тут же показалось, будто его все забыли. Его накрыл какой-то покой. Он воспользовался возможностью и заглянул в одну из коробок. Там его встретили ряды ребристых викторианских флаконов с мутной водой, завернутых в пленку на картонных подносах, по дюжине на каждом. Шоу закрыл клапаны коробки, сложил вместе с остальными под сине-сиреневым плакатом, восхваляющим какой-то давно забытый фэнтези-роман, и осторожно попятился в магазин. Там он обнаружил, что Тим и Хелен склонились друг к другу над витриной и тихо и напряженно беседуют. Хелен сонно взглянула на Шоу, потом отвернулась, нетерпеливо качнув головой, – словно смотреть особо не на что. Моргнула.

– В общем, все, – сказал Шоу. Отряхнул ладони – этого хватило, чтобы освободить этих двоих от взаимного гипноза.

– Он все равно скажет тебе забрать их обратно, – отрывисто говорила Хелен Тиму. – Энни не хочет, чтобы он брал еще. – А Тим странно, дико улыбнулся и спросил:

– А при чем тут Энни?

Его пальцы оплела упаковочная лента. Обнаружив, что она прилипла к ладони, он варварски ее сорвал, схватил Шоу под локоть и вытолкнул из магазина.

– С какого хрена это должно волновать Энни? – бросил он через плечо. – Пошли, – сказал он. Сгорбившись, они пошли под дождем мимо скотного рынка к вокзалу.

– Ненавижу такие места, – сказал Шоу. – Кто такая Энни?

В течение всей этой встречи, как казалось потом Шоу, Хелен прощала ему знакомство с Тимом. Но непосредственно на Шоу отреагировала только раз – когда заметила, как он разглядывает в витрине жалкие стопки книжек, завернутых в пленку, – и то сказала только: «Вообще-то мы оптовики. Продаем партиями». Этот невероятный самообман и стал знакомством Шоу с бизнесом; по крайней мере, с этой стороной бизнеса.

С тех пор он два-три раза в неделю ездил в похожие предприятия – в книжные, в магазины хрусталя, в свечные лавки, в нишевые предприятия с краткосрочной арендой, торгующие мешаниной из поп-культурных сувениров и более существенных товаров из времен два-три поколения назад, – они процветали вдоль заброшенных главных улиц в эпоху экономической аскезы после 2007-го под управлением сети небогатых избирателей, надеявшихся подзаработать на падающей стоимости аренды. На самом деле такие хозяева были одержимы представлением о торговле как о некой полити-

ке, как о выражении фундаментальной теологии. Они верили в красивые речи, не имея ни таланта, ни капитала. Их убивал интернет. Их убивали темпы жизни. Они были как старомодные коммивояжеры, чахли в барах и съемных комнатах, обменивались заказными книгами на ветреных углах улиц, словно на дворе до сих пор 1981-й, – граждане неприжившихся будущих, целых миров, которые не выдержали экономической турбулентности и не воплотились в жизнь, мужчины и женщины в дешевых деловых костюмах – вымытые волнами на перроны, близорукие от краткого прилива сил перед капитуляцией, показывающие друг другу устаревшие тайные знаки, будто какие-то тэтчеровские шпионы.

Шоу проводил в этом поблекшем психическом краю больше времени, чем ожидал. Утром садился на ранний поезд, вечером – на поздний. Наблюдал, как поля сменяют цвета от весны к началу лета. По вечерам в конце июня пешеходные кварталы Питерборо, Личфиллда и Бирмингема озарялись изнутри каким-то бесстыдным свечением, словно и правда могли удовлетворить многогранную тоску, с которой люди приходили в тату-салоны и спортивные дискаунтеры. Выразить собственную тоску в словах оказалось совсем непросто. Тем временем «Умный Мир» – хоть с виду и не скажешь, что в нем вообще что-то покупают, – стал одним из самых надежных направлений для продаж – если Шоу действительно занимался продажами. Он лучше познакомился с Хелен, женщиной за стойкой, – настолько, что к концу июля ока-

зался с ней на полу склада, зажатый между велосипедом и кипой местной бесплатной газеты от октября прошлого года. Ее юбка была задрана до пояса. В тот раз – или вскоре после – она призналась, что предприятие принадлежит ей. Любое другое впечатление, что у него могло сложиться, сказала она, – это дезинформация.

– Некоторые торговые агенты не понимают, когда им отказывают. Особенно когда им отказывает женщина. Так что мне проще притворяться, будто я только работница.

– С Тимом не помогло, – заметил Шоу.

В ее выражение лица проникло слабое раздражение.

– *Ego* не назовешь агентом, – сказала она. Пожала плечами. – Во всяком случае, с остальными помогает. Пожалуй, нам уже пора, – казалось странным обсуждать Тима в этих обстоятельствах, но, не считая пола склада, общим у них двоих был только он. Беда Тима, считала Хелен, в том, что он не видит, насколько его идеи ошибочные – или устаревшие.

– Так думает Энни.

– Никогда не понимал, что у него за дела с Энни, – рискнул спросить Шоу, делая вид, словно имеет хоть какое-то представление, кто такая Энни. – Что там за история?

Хелен рассмеялась.

– Я могу порассказать об Энни и Тиме *такого*, – ответила она, – если тебе это надо, – и потом: – Кто знает? Но мы все понимаем, кто из них серый кардинал.

Вдобавок к МВА у Хелен был сертификат третьего уров-

ня по оздоровительной физкультуре для особых групп населения. «Без лишней скромности скажу, что я довольна жизнью», – сказала она. Она водила «Ауди R6», жила в собственном доме у Кинвера, на окраине Бирмингема. Этот новострой на четыре спальни, расположенный в старинном районе под выступом песчаника, изъеденным пещерами, рядом с горой Холи-Остин, мог похвастаться участком в два акра, на котором находились склон с кустарниками (где примерно в 1920-х пробилась пара корявых шотландских сосен, напоминающих ладони с растопыренными пальцами) и длинный прямоугольный пруд в саду, причем и сад, и пруд были старше здания лет на сто или больше. В этом доме – хоть Хелен и заявляла, что живет одна, – по ее настоянию они занимались сексом только в неотапливаемой комнате для гостей, на диване-кровати «Джон Льюис», с которой первым делом поутру она сняла простыни.

Секс с Хелен озадачивал. У ее тела было ощущение пухлой белизны; Шоу себе говорил, что она белая на ощупь. Все это время она тихо говорила, часто – о личных финансах, часто – в подробностях. Похоже, больше всего в жизни она жалела, что не продала половину сада застройщику в 2006-м, сразу перед кризисом. Однажды ночью Шоу проснулся и услышал, как она горячо шепчет: «Не понимаю, почему люди не отвратительны сами себе еще больше». В постели он ее не нашел, но слышал с необычной четкостью, словно ее губы – в сантиметре от его уха. Она стояла сбоку от окна,

лицом в комнату, прижав ладони к стене, неловко вывернувшись, чтобы глядеть в сад, где косой ливень шумел в кустарнике и забрызгал изъеденный каменный бортик пруда. «Выжимаешь из людей все соки ипотекой, пенсией и страховкой, но раз у тебя хорошая прическа и ты всегда поступаешь, как лучше для тебя, ты не можешь ошибаться, о нет. *Ты*-то ошибаться никак не можешь».

– Ты по телефону разговариваешь? – спросил Шоу. Но нет.

– Было три ночи, – рассказывал он ей на следующий день, – и ты даже не проснулась. Ты говорила во сне.

– Не люблю, когда за мной наблюдают, пока я сплю.

– Да я просто проснулся, – сказал Шоу с извиняющимся тоном, хотя извиняться было не за что. – Меня разбудил дождь. На улице всюду лило.

Как и все остальные в стране, они изо всех сил старались сотрудничать, но ничего не получалось. Их роман, если его можно так назвать, вскоре после этого закончился со всеми обычными обвинениями; и когда Шоу приехал в следующий раз, «Умный Мир» был закрыт. Он несколько раз постучался в грязную стеклянную дверь, потом пешком вернулся к вокзалу. «Даже холодильной витрины не осталось», – отчитывался он перед Тимом, который сперва вроде удивился, а потом пожал плечами.

«Передавать воду»

Между такими командировками Шоу работал в офисе. У него был ключ от баржи, так что он мог приходить в любое время, часто пересекал Темзу по Барнсскому мосту уже в шесть утра и прогуливался до Чизика, где покупал и съедал круассан с миндалем. Работа была не самая тяжелая. Он вел список клиентов, а на большинство запросов отвечал: «Я тогда передам это Тиму, ладно?»; время от времени продавал печатавшуюся на заказ книгу – «Путешествия наших генов». На обед ел сэндвич из местного «Прета» – обычно с курицей и авокадо; или доходил до «Эрл оф Марч» за сосиской и картофельным пюре с луковой подливой. Если погода не портилась, вытаскивал офисное кресло из кабинета и сидел на берегу, оглядывая реку в стеклянном дневном свете: в одну сторону – остров Оливер, в другую – безлюдные жилые набережные у слияния с Брент.

В офисе он обжился быстро. Тот был обставлен старьем. Пол скрипел и с каждой волной уходил из-под ног. У стены, если пройти мимо, громко зевала стальная картотека. Выдвинешь ее ящики – поднимая густой, но довольно приятный запах древних карандашных очисток, – а они забиты устаревшими канцелярскими принадлежностями: линейками, заляпанными чернилами, баночками с канцелярскими

кнопками и просроченными резинками, фирменными бланками с другого предприятия – оно звалось «Функциональные Решения Лтд», пока на исходе восьмидесятых не ушло, даже не пискнув, под бурную соленую поверхность тэтчеровской экономики.

Кое-что Шоу выложил на стол – высохшую штемпельную подушечку в красочной жестяной коробочке; стопку желтых стикеров, уже загибающихся, – на одном он нашел наказывающие слова «Дендрограмма», «загустевший желеобразный слой» и что-то вроде «глубокий материковый склон»; и лампу из «Икеи», в которой, хотя она не напоминала ни манекен, ни деревянный макет виселицы, мерещились элементы от них обоих. Чтобы персонализировать этот коллаж, Шоу добавил свой «Лондон Ревью оф Букс», через который продирался уже месяц. Если хотелось кофе, под рукой имелся электрический чайник с протертым тканевым шнуром.

Шоу чувствовал, что эти вещи отвечают всем его потребностям, даже слегка его переосмысляют; хоть и казались застенчивым продуктом ушедшей эпохи – как и черно-белые зернистые порножурналы на удивительно глянцевой бумаге, найденные в одном незапертом ящике картотеки. Единственной проблемой оставалось отсутствие туалета. На вторую дверь он уже махнул рукой, разве что время от времени гремел навесным замком: очевидно, что бы ни было за дверью, это все равно никак не уборная. Но не мог же он каждый раз бегать в «Эрл оф Марч», так что пришлось ходить

в густые заросли, обосновавшиеся на заброшенной барже в паре ярдов выше по течению.

Ему это было не в тягость — что там, даже в охотку. Окружение казалось каким-то пышным: пыльные запахи, блики воды за листвой, неотличимые от блеска битого стекла в неглубоких корнях буддлеи и кипрея, тихие движения потревоженной птицы, легкое удовольствие от того, что он одновременно и на воде, и на твердой земле. В непогоду он оставался в офисе, слушал дождь на реке. Смотрел «Нетфликс» или изучал с прищуром любопытную карту мира, приклеенную офисным пластилином над столом, с линиями побережий, пронзенными отсутствующими булавками в кучках ржавых пятен. Или пролистывал электронную почту, где часто находил что-нибудь от Виктории Найман.

Виктория исполнила свою угрозу уехать из Лондона. «Что ж, вот и все, — писала она. — Прощай, Далстон. Взяла с собой только то, что влезло в маленькую машинку. Все остальное отправилось на склад. Как можешь догадаться, на этом я и распрощалась с бесценными старинными коврами и семейным серебром». Или вот с телефона: «На помощь! Снова затерялась в Мидленде!» К этому предприятию она относилась так же расплывчато, как и ко всему в жизни. Но зато уже заводит друзей, говорила она: наконец-таки получает удовольствие. Отчищает два старых кресла уайт-спиритом и «льняным маслом цвета „Лагавулина“». Этаким репортаж с места событий. Шоу ждал каждой новой главы, но всегда с

ощущением, будто пропустил какое-то главное сообщение. Куда она все-таки поехала? Чем сейчас занимается?

«Так или иначе, — писала она, — как и прочие неудачники, я поставила на провинцию. Твоя, со всяческой любовью. Надеюсь, ты наслаждаешься своей рыбкой и, что не менее важно, рыбка наслаждается тобой».

На самом деле он решил отдать рыбку матери.

Почему, он и сам понимал с трудом. Если взять рыбку и дать уличному свету скрикошетить с ее вырезанных вручную чешуек, она казалась скорее деко, чем перуанской, скорее тридцатых, чем девятнадцатого века; еще больше сбивало с толку то, что проба — на испанском. Крохотная вытисненная пентаграмма, как осведомил «Гугл», обозначала серебро 915-й пробы. Эти несовпадения между фактами и историей Виктории о рыбке как будто только подчеркивали более глубокий культурный разрыв. Эстетика рыбки передавала какое-то ощущение любопытства, нерешительности — словно автор, китчизируя этнический продукт одной культуры, наткнулся в нем на следы совершенно другой. Под светом фонаря движение хитроумно выполненного тела казалось почти волнообразным.

Уж слишком похоже на рыбу. Мягкие на вид губы и обвиняющие голубые глаза приводили Шоу в смятение, особенно когда он просыпался по ночам, дезориентированный из-за шума в соседней комнате. Там по-прежнему постоянно ссорились с утра пораньше. Внизу в теле дома грохала дверь.

Кто-то спотыкался на нижней площадке, потом оправлялся и поднимался дальше. Слышалась музыка или что-то наподобие, иногда – перед самым рассветом – в сопровождении менее опознаваемого вокала. Знание о том, кто живет по соседству, ничего не меняло, разве что Шоу больше не чувствовал себя вправе жаловаться, раз Тим – его работодатель. Когда они сталкивались друг с другом – в подъезде или у хлебных полок в «Сейнсберис Локал», в мортлейкском конце Уорф-Террас, – Тим выглядел, как всегда, рассеянным. Это был человек в поисках мотивов – он никогда их не находил, но все равно действовал, затерявшись среди структур, которые мы все унаследовали и с которыми пытаемся работать. Однажды утром Шоу открыл дверь в ванную и обнаружил там Тима, стоящего на коленях на рябом линолеуме перед унитазом. Его летний пиджак валялся скомканным в углу. Левый рукав рубашки был закатан дальше локтя. Он отвернул голову в сторону, словно не хотел смотреть в унитаз, куда так решительно засунул руку.

– А, – сказал Тим.

– Всегда запирай дверь, – посоветовал Шоу, словно напоминая ребенку об очередной общественной обязанности, которая впредь усложнит его жизнь. Сейчас Шоу собирался на поезд в сторону Туикенема, до дома престарелых, но уже чувствовал, что день не задался. – С лестницы может войти кто угодно.

Потом сказал, что не будет мешать Тиму, и добавил толь-

ко:

– Пол довольно мокрый.

– Тебе, наверное, интересно, что я тут делаю, – окликнул вслед Тим.

В свое время матерью Шоу восхищались. В результате теперь можно было видеть, как она смотрит – со взглядом смутным и бурным, как пустой морской пейзаж, – из фотографий во множестве фотоальбомов. Казалось, теперь ее увлекают эти реликты – напрасные браки, постыдные роды, похороны, на которых как будто никто не знал усопшего, – но без присмотра она впадала в необъяснимую ярость и пыталась порвать снимки. Даже о самых недавних – сделанных месяцем ранее на телефон Шоу – она иногда говорила: «Не говори глупостей. Не говори таких глупостей. На меня это похоже не больше, чем муха в небе». Может, она была права: со снимков смотрела пожилая женщина, вида стандартного, обветшавшего, но все еще каким-то образом вздорного, сидящая на кресле в общей комнате дома престарелых, под отчетливо видной репродукцией завораживающе странной картины маслом – «Морской идиллией» Арнольда Бёклина 1887 года.

Здесь-то Шоу ее в этот раз и нашел.

– Не надо думать, будто мне нужна эта ерунда, – сказала она, как только увидела сверток с рыбкой.

– Не смеши, – ответил Шоу, – ты даже не знаешь, что там.

– То, чего мне даром не надо.

– Ты не знаешь, что там. Слушай, это подарок, гостинец.

Хотя бы разверни.

Но вместо этого она просидела полчаса, воротя нос от подарка, на одном из кресел с подлокотниками и удивительно прямой спинкой, что стояли под Бёклином. Время от времени бросала украдкой взгляд на сверток, но тут же отворачивалась.

– Не знаю, что тебе от меня нужно, Питер, – сказала она наконец, словно они проспорили все утро. Вздохнула. – Честно не знаю, что тебе от меня нужно.

Этот сопутствующий ранимый жест плечами – не совсем пожимание, слишком сложно, чтобы взять и расшифровать, вечный способ скрыть слабость своей позиции, – он отчетливо помнил уже с десятилетнего возраста.

– Меня зовут не Питер, – сказал он.

– Дорогой, разве сегодня мы не посмотрим фотографии? Я их просто *обожаю*.

К этому Шоу уже подготовился.

– Когда развернешь подарок, – пообещал он, – тогда и посмотрим. Посмотрим фотографии под чашечку чая.

Она внезапно придвинулась и взяла его руки в свои.

– Но ты такой холодный! – сказала она. – Здесь холодно? – Потом таким тоном, словно придумала, чем еще его порадовать: – А давай сперва посмотрим фотографии!

Понимая, что лучше предложения он не дождетсЯ, Шоу

сходил за альбомами. На пляже в Гастингсе, пятнадцать лет назад, с темными волосами, уложенными в виде колокола, в платье-халате, с острыми скулами времен 1960-х она напоминала Майру Хиндли⁸, не столько голодную, сколько ненаевшуюся. Было видно, что ее ничего не радовало уже тогда, за полдесяток лет до того, как она выдумала свою главную методику проживания жизни. В дальнейшем позируя рядом с одним супругом за другим, временный центр одной семьи за другой, она превратила свою жизнь в историю фотографии: крошечные снимки на «Кодак 127», покоробленные собственным гляncем до мелкой ряби, отражавшей свет от изображения, сменялись на 35-миллиметровую прозрачность, где цветовая тональность опасно скатывалась в красный; затем – полароиды из конца семидесятых с мутными и неуловимыми оттенками заднего фона.

Пока персонал дома престарелых не запер фотографии от нее подальше, мать начинала каждый день с их изучения и тем же заканчивала. Уже и представить невозможно, что она теперь о них думала, для какой внутренней механики они все еще служили. «Тебе какая больше нравится?» – спросила она. Шоу выбрал ту, где она позировала на пляже в Пембroke с одним из его множества отцов – по фамилии не то Карсон, не то Карлсон. Сзади них на береговой щебенке неуклюже испражнялась левретка, изогнувшись всем телом в дрожа-

---

⁸ Майра Хиндли и Иэн Брэди – убийцы, совершившие серию убийств на болотах в 1963–1965 гг.

щий обруч; на горизонте лежало море, погода казалась холодной.

– Смотри, – сказал он. – Тетя Нэнси и ее собачка.

Мать уставилась на него с презрением.

– Когда ты наконец вырастешь?

– А как звали *собаку*? – сказал Шоу. – Я помню только, что тебя эти всегда звали тетей Нэнси. – Он вышел в коридор и быстро ходил туда-сюда, нахохлившись и сунув руки в карманы. Когда вернулся, она уже порвала снимок – сидела у окна, аккуратно размешивая на столике блестящие кусочки, словно теплую жидкость. Стоило их у нее забрать – как можно мягче, – как мать улыбнулась в сад и сказала:

– Тетя Обормотя. Не жизнь, а головоломка!

– Теперь-то ты посмотришь, что я принес? – спросил он.

– Да! – по-детски отозвалась она. – Посмотрю. Хочу!

Но стоило развернуть перуанскую рыбку, как она разрыдалась и твердила, что так и знала; а в следующее его посещение персонал попросил забрать рыбку. «Похоже, она ее расстраивает».

Провонявшие жиром старые отели. Бирмингемские или лейстерские гостиницы-помойки без единой звезды. Коридоры с черными половицами, которые скрипят и прогибаются под ногами. Ночной портье, который не пустит тебя ночью, пока не заплатишь снова. Потом на следующее утро – домой, где Тим вечно ярится из-за возмещений, из-за того,

что его обманула при возмещении или возврате какая-нибудь компания под названием «Золотые чужеземцы» или «Они пришли волнами». У него были странные бартерные отношения с целой кучей таких компаний. Шоу поручалось принести в магазин, а иногда кому-нибудь на дом – в безлюдном по ощущениям пригороде в трех-четырех километрах от городского центра – какую-нибудь дешевую репродукцию в рамочке или небольшой сломанный предмет мебели. Взамен он получал продуктовую сумку с кассетами спокен-ворда конца семидесятых с вручную надписанными этикетками. Где тут прибыль, Шоу понимал редко. Даже когда в деле появлялись деньги, он чувствовал, что транзакция закрывается в какой-то другой валюте.

Все остальное время он возил те же самые картонные коробки. «Я их тебе доверяю», – приговаривал Тим. Когда одна развалилась, как размокший сырный сэндвич, и внутри обнаружилось всего лишь полдесятка экземпляров «Путешествий наших генов», Шоу предположил:

– Дороговатая доставка у нас получается.

Тим только улыбнулся.

– Люди хотят знать, кто мы, – сказал он.

– Мне все только повторяют, что им это не нужно.

– Им хочется видеть знакомое лицо.

В конечном счете, возможно, все это было изощренным способом испытать Шоу, потому что внезапно поездки прекратились – правда, только после, пожалуй, самой странной

командировки.

– Я хочу, чтобы ты посетил суд, – сказал Тим.

– А туда можно прийти просто так?

Тим пожал плечами.

– Судебные заседания – публичные мероприятия. Туда пускают любого.

– И все-таки, – сказал Шоу. – Прямо «посетить».

– Подзащитного зовут Патрик Рид. Постарайся запомнить все, что он скажет. Запиши, если понадобится.

Шумные содрogaющиеся маленькие электрички, сомнительные пересадки: Шоу полдня сменял транспортных операторов страны, одного за другим; многократно стараний, только чтобы днем добраться до бурой окраины Уэльса. Городок с непостижимой средневековой топографией и тактической позицией над рекой Северн когда-то неплохо зарабатывал на овцах; потом – на их разведении; наконец – на угле. Ныне городок, как и большинство таких старинных мест, постколониальных, постиндустриальных и – в том смысле, что теперь его прошлое стало его настоящим – совершенно исторических, курировал коллекцию изначальных городских ленов, деревянных построек с культурным значением и старомодно убогих названий улиц. И был вполне собой доволен вот уже семьсот лет.

Шоу нашел суд Короны⁹ на краю городского центра, неловко пристроенный на кольцевой между большими ост-

---

⁹ Уголовная ветвь правосудия Великобритании, учрежденная в 1971 году.

ровками безопасности, в окружении из местных колледжей, полицейского участка и еще двух судов. Это было государственное здание из тех, что, хоть и построены специально для своей цели, все равно кажутся для нее неподходящими. Архитектурный стиль не описать без сравнения с отелем сети «Трэвелодж». Лифты не работали. В коридорах висели рукописные записки, которые спешно сканировались и печатались на каждой стойке, чтобы угнаться за изменениями в правилах нового дня.

Никто как будто не знал, как здесь оказался подзащитный. Инженер-строитель на пенсии, высокий, лет семидесяти, опрятный, с тихим голосом, седыми волосами, выдающимися скулами хрупкого вида и осанкой со смещенным центром тяжести, взирал на судью с озадаченным облегчением, – словно ему больше не за что было ухватиться, кроме как за их отношения, словно они спасали его от существования с непостижимыми правилами. «Я благодарен вашей чести», – без конца повторял он. И каждый раз вытирал после этого губы.

Судья выглядел таким же нерешительным. «Конечно, я сам виноват, – произнес он в какой-то момент, – но вы не могли бы говорить громче? И не могли бы обращаться к присяжным?» Из-за таких просьб он сам казался не менее потерянному, хоть и по-другому.

В чем же, собственно, состояло преступление Патрика Рида? Обвинительное заключение говорило о «серьезном на-

рушении общественного порядка», но, похоже, на самом деле он всего лишь привлекал к себе внимание криками, стоя в оживленном конце пешеходной улицы в городском центре, в дождливую субботу под завершение прошлого года: Шоу казалось, он вполне может понять такое желание. Улик еще не представили. Зато отсрочкам не было конца. Звучали заявления, которые никто не понимал. По рукам ходили бумаги. Никаких свидетелей не вызывали. «Я уверен, мой друг с этим согласен», – поздравлял один адвокат другого, но присяжным не говорили, с чем именно. Наверняка можно было сказать только одно: обвиняемый верил, что, посмотрев в унитаз в «Блэк Хорс» на Кэмп-лейн, он увидел «в воде что-то живое».

Дальше этого в первый день не продвинулись. На второй – по так и не объясненным причинам – судья закончил заседание раньше. Шоу съел крафтовый сэндвич в «Жюисанс Бистро&Центре благополучия». Потом заблудился в системе проулков между Групп-лейн (ранее Групп-Каунт-лейн) и Догпоул-ярдом, где нависающие верхние этажи – судя по всему, державшиеся только на прямоугольных сточных трубах, словно перехваченные толстыми кожаными жгутами, – приютили как «Центр Занятости Плюс», так и дорогой бутик нижнего белья; внезапно Шоу вывалился на вытянутую территорию Старой церкви Святого Мартина, где сел на скамейку под теплым солнышком почитать брошюры о городе. На протяжении тысячи лет, узнал он, на этом месте находи-

лось то одно, то другое культовое сооружение – до 1788 года, когда церковь таинственным образом провалилась в собственную крипту и от нее остался лишь странный красный песчаник подтаявшего вида в основании многогранного Капитула, на который Шоу сейчас устоялся. Он вернулся к себе в отель и отчитался Тиму: «Ничего особенного не происходит».

На следующее утро Патрик Рид в ответ на просьбу уточнить свои показания описал, что видел в туалете «бледную зеленоватую чешуйку не больше нескольких миллиметров длиной», и она энергично перемещалась случайным образом, пока он на нее случайно не помочился, после чего она выросла в «зеленого ребенка», который обладал чертами как зародыша, так и сформировавшегося организма и которого Рид в полнейшем отвращении смыл. На тот момент ребенок все еще рос.

– Мне показалось, – с извинением сказал Рид судье, – что я увидел то, чего не должен видеть никто.

Может ли он объяснить, что имеет в виду?

Не может. Может только пожать плечами.

– Оно все еще росло, – только прибавил он. – И быстро.

В ответ судья обвел рукой подсудимого, адвоката и приставов, словно надеялся, что кто-нибудь – кто угодно – заговорит.

– Думаю, присяжным хотелось бы услышать больше? – предположил он наконец.

– Боюсь, это вся суть, – признался Рид.

После этого он начал видеть что-то каждый раз, когда мочился. Этот процесс он называл «передавать воду». Двусмысленное словосочетание, подумал Шоу. Но в этом и правда была вся суть. Где бы Патрик Рид ни «передавал воду», там росли зеленые детишки. Не считая их расцветки и прозрачности – что-то среднее между тлей и карамелью – они напоминали людей. «Я имею в виду, – поспешно добавил Рид, – казалось, что у них есть потенциал стать кем-то вроде нас». Они, к примеру, не напоминали нэцке. Не были мастерскими куклами. Он видел сердцебиение. Он видел болезненное нежное выражение лица, присущее всем эмбрионам млекопитающих. Крохотные движения. Может, не люди, но все-таки что-то живое. И хотя он всегда старался их смывать, однажды Рид допустил, что остальные это делают не всегда. «Они так быстро росли! – оправдывался он. – Откуда мне было знать – и откуда знать сейчас, – может, они уже повсюду». С того момента он начал предостерегать людей. Если в ту субботу он и перестарался, сказал Рид, то он раскаивается: «Но тогда это казалось очень важным».

Суд тянулся еще два-три дня. Шоу ничего не понимал. Каждое утро присяжные выслушивали формальное предупреждение не обсуждать процесс ни с кем – даже друг с другом. Но серьезно, что тут обсуждать? Человека, который, говоря о канализационной системе, пользуется оборотом «глубокие и ложные воды» и верит, что в них скрывается совер-

шенно новая форма жизни? Присяжные переглядывались и пожимали плечами. Единственное, в чем они не сомневались, – что Патрику Риду действительно нужна помощь, но не их. Если у него в жизни и есть проблемы, то не судебного характера. В конце концов его признали невиновным по главному обвинению, но виновным по второстепенному – нахождение в нетрезвом виде в зоне действия алкогольных ограничений, а именно – на мостовой перед Крытым рынком.

Все с облегчением выдохнули. Как сказал сам судья в заключительной речи, трудно обвинять человека, который верит, что в общественных туалетах Объединенного Королевства беспрепятственно плодятся «зеленые человечки».

Когда Рид его поблагодарил, судья только покачал головой.

– Сомневаюсь, что кто-то из нас, – произнес он, обводя рукой присяжных, – скажет, что сегодня мы вынесли правильное решение. Но очевидно, что единственная альтернатива тоже была бы неправильной.

На этом суд вроде бы и закончился.

Шоу вышел из здания, сменил три поезда по дороге домой и передал вести Тиму, и тот задумчиво покивал. По нему казалось, вердикт удовлетворительный – одновременно и подтверждение, и завершение. Отдельные подробности из повествования инженера будоражили его еще долго: «Тля! – сказал он однажды вечером в дальнем зале „Эрл оф

Марч“. – Единственные создания в мире со способностью к фотосинтезу!» А когда Шоу только молча уставился в ответ: «Поразительно, верно? Слой клеток под кожей толщиной в несколько нанометров, способный точно так же, как растение, перерабатывать солнечный свет в энергию!» – но было очевидно, что и к этому Тим стремительно теряет интерес. В то же время как будто шла на убыль его нервозность. Сразу потеряли важность командировки в провинции, иссякли. Через неделю-другую он заявил Шоу:

– У меня для тебя новое задание. Я хочу, чтобы ты посещал медиума.

Посещения, сказал он, будут проходить раз в неделю. Медиум называла себя госпожа Суонн и жила в ряде коттеджей рабочего класса у Старого Мортлейкского кладбища, со стороны Ши́на.

– Платить будешь наличными, – сказал Тим, – и снимай сеанс.

– Что я буду искать?

– Что угодно интересное. С Энни у тебя трудностей не возникнет. Она душка. Возьми видеокамеру, только не говори ей, что ты от меня.

– Могу снимать на телефон, – предложил Шоу.

Тим ненадолго задумался.

– Идет, – сказал он.

Два

6

Дом Виктории

Судьба сыграла странную шутку с материнской линией семьи Виктории Норман. Сплошь провинциальные агенты по недвижимости, солиситоры и врачи – в молодости жизнь в них была ключом, но в среднем возрасте они страдали от парализующих страхов и депрессии, сохраняя в последние годы не больше сил, чем нужно, чтобы умереть от первой же подвернувшейся возрастной болезни.

Утешались они тем, что это хотя бы предсказуемо; это семейное. Ее дед по этой линии десять лет провел в объятьях мягкого кресла, благоухая сигаретами и «Фэймос Граузом», а потом пал жертвой тромбоза; за ним ухаживали его сестры, потом, освободившись от этого бремени, они однажды субботним днем умерли в обувном магазине из-за одинаковых кровоизлияний в мозг. Мать, оробев из-за подобных сцен еще в подростковом возрасте, не садилась в автобус, если он заезжал на тротуар или – еще хуже – если она по ошибке давала водителю не ту сумму; в сорок лет она с трудом заставляла себя выйти из дома. Когда морок развеелся, было

уже поздно: отец Виктории, под конец жизни полюбивший рыбалку, упал замертво на уединенной автостоянке на берегу реки Северн, оставив мать в трауре, но в то же время и в необъяснимом облегчении. В этом облегчении она пережила и менопаузу. С ним же переехала в маленький и не самый живописный городок в Шропшире, где купила «Айфон» и водила домой незнакомых мужчин, по ночам спяну напisyвая сообщения одному любовнику за другим, пока не умерла от необычно расширенной селезенки и очень высокого уровня гормона щитовидки Т4.

Вот почему Виктория, через месяц-два после свидания с Шоу в Хаммерсмите, впервые за пятнадцать лет оказалась за пределами юго-восточного Лондона, направляясь на «Фиате 500» неведомо куда – одновременно с ожиданиями и без. Она ехала в гору, мимо кузнеца, зеленщика и старой ратуши с высокими зацементированными окнами, на самую верхушку, где выстроилась парочка сухопарых старых домов, чтобы до них мог добраться ветер и целыми днями сдувать соек с их многоступенчатой единой крыши. Она устала. Она искала перемен и тайне их боялась. Она два раза заблудилась по дороге с М42.

Наконец она смогла заставить себя поднять глаза на высокий узкий фасад своего нового дома и вдруг содрогнулась с полной уверенностью, что совершает ошибку.

Дом отторгал ее. Ключ не поворачивался в скважине, свет не включался, а коридор загромождали горы мрачных кар-

тонных коробок. Весь первый этаж пропах давними чайными пакетиками и сыром. Зато кольцевая проводка на кухне работала; так что Виктория смогла включить холодильник, поставить электрический чайник, заварить чай и выпить его в химическом блеске экрана смартфона, сидя на нижней ступеньке лестницы, подобрав под себя ноги.

Нервно поглядывая на сумрак площадки второго этажа, она решила пока что остаться внизу и переночевать на прозрачно-белом диване в передней, где хотя бы слышно машины с улицы. Она поймала себя на мысли, что кто-то всегда должен знать, где ты находишься, – даже если тебе трудно их понять, уловить, чего они хотят, или самой им объяснить, чего хочешь. Так что последним делом перед сном она снова написала Шоу:

«Что нам делать со своей жизнью – таким, как ты и я? Мы как кучка крабов-отшельников в одном общем панцире».

Он не отвечал ни на одно ее письмо, так что она добавила: «В общем, я покинула очаровательный Лондон, вот мой адрес, если надо». Потом: «Не знаю, куда устроюсь работать. На какое-то время денег хватает». Вдобавок у нее остался дом в Далстоне – она нашла жильца, чтобы не отставать от ипотеки; но признаться в этом Шоу значило предстать робкой, неспособной пойти до конца. Она раздвинула подушки на диване, открыла ставни и заснула в луже лунного света любопытного гиацинтового оттенка – как будто припасенного на будущее краской зданий через дорогу, – чтобы на сле-

дующее утро проснуться в совершенно другом настроении. Дом 92 по Хай-стрит – этот итог белой горячки в экономике конца восемнадцатого столетия, построенный на прибыль с небольшого известнякового карьера над ущельем Северн, – незадолго до Первой мировой войны был поделен надвое. Днем половина Виктории оказалась всем тем, о чем она всегда мечтала: три этажа высоких пустых комнат с половниками темными, как палуба старого корабля. Да, дом утратил былой блеск. Фальшпотолки, сырой подвал, под многими акрами древесной щепы гнила штукатурка; кухню принесли в жертву обшивке из хвойных пород в стиле 1970-х. Но да, все это решительно отправится на помойку, пока не вернутся широкая лестница, высокие окна, изначальные пропорции. С этой картиной в мыслях Виктория с легкой душой прошла по лестнице вверх-вниз, обошла комнаты, завтракая хлопьями с холодным молоком, и не могла поверить своей удаче, когда смотрела в сад или на свет, льющийся в лестничном колодце.

Ее поджидало несколько сюрпризов. Первый – высокая женщина с жидким седеющим бобом, которая выскочила перед ней на площадке второго этажа. Этот призрак – заламывающий руки с испуганным и извиняющимся выражением лица – оказался самой Викторией, отразившейся в ростовом зеркале и уже начавшей лепетать: «Простите, я не...»; совершенно нехарактерное для нее поведение, хотя теперь она уже начала задумываться на этот счет. Другие сюрпризы бы-

ли не столь нелестными, зато бесили больше. Задняя дверь не открывалась. И можно было сколько угодно щелкать переключателями в щитке, но стоило вставить в розетку два кухонных прибора одновременно, как свет на первом этаже тут же снова гас.

Она составляла списки, а потом отправилась в люди.

В городке, около 1200 лет теснившемся на выступе из красного песчаника над рекой Северн, высокоэтажных зданий не было в принципе – только церковные колокольни да остатки обязательного замка пограничного лорда, торчащие над георгианскими крышами. На север и на запад вдоль двух-трех лесистых полос недавно вытянулись районы жилья и легкой промышленности, круто спускаясь к речным переправам. Тут Северн была всем. Это с нее началась торговля; это на ее берегах зародилось железо и промышленность. Зимой и летом, днем и особенно ночью река неизменно остужала воздух, словно огромный калорифер.

Середина утра – а улицы Верхнего Города уже оживились. Дождь принялся затемнять пегую кирпичную кладку; небо грозилось громом, но, сколько ни тужилось, так и не исполнило обещание. Виктория шла по растерянной спирали, пока не уперлась в средневековый замок. Эти любопытные руины крепости – воздвигнутой в 1200-х одним из менее известных савояров¹⁰ Генриха III, Джоффри де Лейси, и раз-

---

¹⁰ Савояр (фр. *Savoie*, Савойя) – житель Савойи: странствующий по Франции с учеными сурками или шарманкой. Словарь иностранных слов, вошедших в со-

рушенной всего через сотню лет во время войны Диспенсеров, – представляли собой один треугольный угол из камня метров пятнадцати-двадцати в высоту, отклоняющийся от вертикали где-то на пятнадцать градусов, больше напоминающая не архитектурное сооружение, а нос недостроенного корабля: будто основатель предвидел в будущем невероятный подъем уровня моря, мир, в котором холм будет островом, а замок – верфью. Камень почернел от дождя. Эдвардианские сады поблизости выглядели мрачно и упорядоченно.

Решительно настроенная получать сегодня удовольствие, она вышла на Портуэй – старую лестницу для выючных лошадей, сбегавшую к реке по крутому склону утеса от узкой щели между «Костой» и «Моей маленькой свадьбой». Здесь, между высокими кирпичными стенами и слоями выветренного песчаника, было тихо, прохладно и сыро. С каждым поворотом лестницы пройденный путь терялся из виду. Были только следующие десять метров, торчащий прямо из стен папоротник и растущая тишина, а дорожное движение оставалось позади. На полпути ущелье резко вильнуло влево и одновременно расширилось, чтобы стать чем-то вроде пологого ступенчатого пандуса. Здесь гору отравили оксиды, густо разрастаясь паутиной; подняв глаза, Виктория увидела задние фасады домов и магазинов на главной улице – выходявшие прямо в воздух старые забытые двери; пыльные и битые окна; а выше – небо, промытая потрясающая синева.

Внезапно вниз по ступенькам хлынула теплая мыльная вода, побежала вокруг ее ног и дальше, всего сантиметров семь в глубину, но напористая и бурная, с барашками тут и там, словно кто-то без предупреждения опорожнил ванну. От воды чем-то пахло, но запах она не узнала – слабый и химический, возможно, от какой-то чистящей жидкости. Вода что-то несла: оно то сдвигалось, то приставало к брусчатке, то снова сдвигалось, прозрачное и слегка зеленоватое; в остальном похожее на мертворожденного котенка.

Виктория зажала рот рукой.

– Ну не знаю я! – услышала она крик из окна высоко над головой. – Не знаю, куда он делся!

Она уставилась на эту штуку у ног. На вид зародыш, но в то же время законченный и полноценный. Теперь вся вода стекла. Это было не млекопитающее – возможно, даже не рыба. Викторию передернуло. Она гадала, может, это осьминог на ранней стадии развития, представила себе, что в каком-нибудь китайском ресторане в фахверковом¹¹ домике, отстоящем от главной улицы, треснул аквариум. Коснулась этой штуки мыском, тут же отвернулась и посмотрела вниз по склону, куда истончающейся пленкой сбегала вода.

– Какой ужас, – сказала она вслух, снова глядя на небо.

Когда через полчаса она поднималась по ступеням обратно, побродив по другой стороне Севернского моста, смотреть уже было не на что. Вода высохла. Зародыш – если это

---

¹¹ Каркасом (от нем. *Fachwerk*, от *Fach* – панель, секция и *Werk* – сооружение).

был зародыш – пропал. Вокруг высились стены из песчаника и замызганные окна, немые и пустые. Она поторопилась по лестнице обратно на торговые улочки. «Сейнсбери» нашелся сразу, окруженный акрами ярких и пустых парковок; а вот «Маркс и Спенсер» от нее скрывался. Наконец она наткнулась на кафе под названием «У Перл», пристроившееся на площади за магазинами. Внутри было пусто, не считая старика, который сидел за столом и неторопливо ел фасоль на тосте. Посреди зала стояла женщина в розовом комбинезоне и таращилась в окно с задумчивым выражением, словно начала что-то делать, а потом забыла что. Увидев Викторию, она зашла за стойку. На кармане ее комбинезона было прострочено имя «Перл».

– У вас есть вайфай? – спросила Виктория.

– Есть, но он никогда не работает.

– Но попробовать можно?

Старик перестал жевать, чтобы следить за разговором. Глаза у него были воспаленные, кожа натянулась на как будто хрупких костях лица; суставы пальцев и запястий были распухшими и больными. И все же в нем чувствовалась какая-то живость. Перед тем как выйти в то утро из дома, он надел семидесятилетнюю нейлоновую гоночную куртку и аккуратно причесался. Теперь он со скрипом отодвинулся на стуле, со скрипом пододвинулся обратно и, добившись таким маневром внимания Виктории, произнес:

– И дверь неплотно прикрыта.

– Простите, – сказала Виктория. – Это я виновата.

– Ей нужно прям колотить. С силой. Все мои годы не закрывается как следует.

– «Все мои годы», – передразнила Перл. А потом – Виктории: – Чем могу помочь?

– Пирог у вас на вид вроде ничего.

– Морковный пирог Перл, – сказал старик как будто про себя, с каким-то задумчивым презрением. – Кому-то, видать, нравится, но я не большой охотник.

– Доедай уже свою фасоль, – сказала женщина за стойкой. – Или выметайся отсюда.

Он уставился на нее, потом в сторону.

– Какой-то он не такой, – пожаловался он. – Почему-то с рыбным привкусом. – Старик бросил вилку и нож на тарелку.

– Можешь выметаться, я не шучу.

– Твой дедушка работал в шахте, – сказал он. – Тебе-то не понять, что это такое. Каждый час каждого дня – на коленях в затопленной яме под Пекфортоном. – Его глаза увлажнились. – А потом, выйдя на пенсию, он забрал вместе с собой из тьмы семь белых пони...

– Пошел вон, если не заткнешься. Я не шучу, старый хрыч.

– Его жизнь подошла к концу, но он решил сдержать слово и подарил им хороший дом, как и обещал.

Поскольку эспрессо здесь не подавали, Виктория взяла

морковный пирог с чашкой чая. Пароль от вайфая предъявили на бумажке в рукописном виде. Каждую 2-ю можно было прочесть как Z, каждую 5-ю – как S; прописная I могла быть как строчной l, так и просто 1. Она сидела за столиком у окна, методично перебирая комбинации. Приходили и уходили группки посетителей – женщины с младенцами или лакленд-терьерами; туристы, вскарабкавшиеся по склону от многолюдных исторических достопримечательностей вдоль реки. Все трепались. Виктория взяла еще чай.

К обеду кафе заполнили бригады мужчин с местных строек. В своем одночасовом отпуске они кричали от смеха из-за статьи в «Сан», от них запотели окна; но с женщиной за стойкой вели себя тихо и осторожно. В них сквозила опасливость детей. В ответ Перл их безжалостно дразнила. Она была высокой, моложе, чем дашь с виду, нацепляла пустую кривую улыбку, не совпадавшую с языком ее тела. Для них между ней и ее поверхностью всегда будет стоять преграда; искусственный раздел. Она будет ценить его и поддерживать с умом. А что еще остается в мелком городишке на пути из Шропшира в никуда? А если – как станет очевидно потом – в ней и есть что-то еще, то эти мужики в сигнальных куртках и строительных касках никогда не догадаются что.

– Перл – красивое имя, – сказала ей Виктория, когда все ушли.

– Заслуга вон того старпера, – ответила она. – Иногда мне нравится, иногда – нет. – Она стояла и вытирала руки впи-

тывающей салфеткой. – Так у тебя работает? Пароль?

– Вроде да.

Перл задумалась.

– Пароль либо работает, либо нет, – пришла она к выводу.

Виктория рассмеялась.

– Пожалуй, правда.

– Тут все без «пожалуй» ясно. – Настала пауза. Потом она, отведя глаза, тихо сказала со своей кривой улыбкой:

– Я знала твою мать.

Это было так неправдоподобно, так внезапно, совершенно необъяснимо, что Виктория решила, будто ослышалась. Она встала, закрыла, не выключая, ноутбук и положила на стойку деньги, словно стойку кто-то обслуживал. Ей было стыдно. Она видела, как на улице чертит длинные неподвижные линии дождь. Старик тоже таращился на него. Он осторожно собрал остатки фасоли на краю тарелки; доел тост. «Ты была моей жемчужиной, – пробормотал он, сделав ударение на глаголе, словно придавая ему силу давно принятого решения. – Я назвал тебя „Перл“, потому что ты была моей жемчужиной». Потом: «На твоего деда мы смотрели, как на бога». От столешниц отражался тусклый металлический свет, и его дочь, которая теперь вряд ли бы прибавила что-то еще, начала протирать их салфеткой.

На пороге, не желая уходить на такой застывшей ноте, Виктория сказала через плечо:

– Никогда не могу понять, когда кончается утро, а вы?

Родители и дети, думала она потом. Что тут скажешь?

Ее мать блуждала по этому дому так же, как и она. Как и Виктория, половину вещей она не распаковала, только вытащила картонные коробки на середину комнат и распахнула клапаны в надежде, что ее еще способны удивить собственные пожитки. Новая жизнь захватила раньше, чем она разобрала вещи, а потом уже было поздно. Ковры, скатанные и заклеенные скотчем, стояли торчком по углам. Кровати добрались до спален, но фотографии, упакованные грузчиками в коричневую бумагу и полипропиленовую ленту, так и стояли вдоль стен, словно завернутые плиты мостовой. Виктория нашла дело получше. Любопытное, не столько нерешительное, сколько беззаботное; изучение интересного набора пожитков, не имеющих никакой или почти никакой связи с той женщиной, которую помнила Виктория. Туфли не в ее стиле. Джинсовки с перламутровыми пуговицами. Освежитель воздуха, обещавший аромат прибрежной прогулки. Листовки от ресторанов фастфуда, копившиеся в сугробах на кухонном столе. К доске у холодильника были приколоты списки местных мастеров – один нацарапал поперек своего флаера «Что угодно!», и именно ему теперь звонила Виктория.

– Алло?

Молчание на другом конце.

– Это... – Она посмотрела на флаер, – Крис?

Без ответа.

– Ну, – сказала она на случай, если говорит с автоответчиком, – я еще перезвоню.

И тут же отозвались:

– Кто это?

– Я хотела поговорить с Крисом.

– Он сейчас в такси, – произнес голос. – Со своими приятелями в Кинвере. Я могу что-нибудь записать, но не больше.

«Здесь очень по-брекзитовски, – писала она потом Шоу. – Восемь пабов на квадратную милю и глубокие чащи вокруг. Я уже представляю город своим Броселиандом, хотя деревья на главной улице, похоже, вырубili уже в 1307-м». Она снова спит на диване, рассказывала она. «Но теперь со свечками и всем прочим».

В одной из коробок матери она нашла новенькое издание «Детей воды». Стала развлекаться тем, что скидывала отрывки Шоу. Малыш Том плохо себя вел. Бросался камнями. Сбежал через топи у Хартовера и Льюитвейт-Крэга к реке. Сорок страниц – и он уже был ходячим приколом, возможно, вообще погиб, отчаянно мечтал стать рыбой, младенцем или обоими сразу – сплошные викторианские фантазии о метаморфозе, регрессии и переходе, преподнесенные в виде нравственных уроков. «Вот видишь, – дописала она. – Мои письма читать надо. Спорим, у тебя жизнь не такая интересная, как у малыша Тома!» Она знала, что на самом деле не закончит на такой ноте: но уже от одного написания возни-

кало ощущение настоящего разговора. Не хуже двух бокалов красного. «Наверное, мебель матери я оставлю, – призналась она. – Всю свою я продала». Из-за этого она снова вспомнила о доме, огляделась и передернулась от удовольствия.

На следующий день не успела она подняться из постели, как зазвонили в дверь. Открыв, на пороге она обнаружила отца официантки Перл. Он был на десять сантиметров ниже Виктории. Насвистывал. Сзади над воротником куртки «Кастрол» влажно завивались волосы. На солнце он выглядел куда бодрее.

– У меня была свободная минутка, – сказал он. – Вот я и зашел.

В ответ Виктория только смотрела на него.

– Крис, – сказал он. – Крис. Крис со вчерашнего вечера.

– Вы всегда отвечаете на телефон так, будто вы кто-то другой?

– Я ненадолго, – сказал он.

Они глазели друг на друга. Ситуация казалась патовой. В конце концов он поднял пластиковую спортивную сумку.

– У меня тут все, что может понадобиться, – сказал он.

– Если бы я еще только объясняла, что может понадобиться.

– Неплохо бы чашечку чая, раз уж ставишь чайник. А пока ты займешься, я тут огляжусь. – Он улыбнулся и пошел на второй этаж с таким видом, будто он тут хозяин, бросив через плечо: – У меня есть все, что может понадобиться. Не

волнуйся.

Виктория кипятила воду и кипятилась сама. Она слышала его на первой лестничной площадке, потом – на расшатанных половицах у туалета. Загремела сумка с инструментами. Он шипел и насвистывал про себя. Он был жалок. Простуживал то да се. На втором этаже поднялось окно, потом за скрипело обратно. Виктория чувствовала себя так, будто ей здесь не место.

– Как там чай? – крикнул он. Спустившись за чаем, он сел и заодно съел бисквит. Казалось, он принес с собой на кухню запах. Точно она не чувствовала, но знала, что запах есть.

– Люблю присесть с бисквитом, – сказал он. Она пододвинула к нему всю пачку.

– Угощайтесь.

Он улыбнулся, будто ничего другого и не ожидал.

– От рождения я Крис, – сказал он, – но в Кинвере меня знают как Осси.

Сквозила в нем какая-то лихость, поди ее еще объясни; в то же время он напрашивался на сочувствие. Если последить за ним минутку, было видно, что держится он странно и ходит с намеком на хромоту; вечно утирает глаза.

– Здоровье неважноецкое, – сказал он с каким-то удовлетворением. – Всю жизнь такое.

Раньше у него был рак кишечника, но его вылечили; его кашель когда-то принимали за асбестоз. К тому же не гнулось левое запястье – результат падения с городской рожде-

стенской елки в 1999 году.

– Я развешивал гирлянды, – сказал он. – Вот ведь ввязался, – а потом: – В том году украшения не сняли вовремя. В результате пострадали мы все.

Он с трудом справлялся с отверткой.

– Здесь в электрике хватает изношенной резины, – сообщил он Виктории, словав половину пачки шоколадных угощений. – Только тронь – вся осыпается.

А значит, нужно менять всю проводку. Так она и думала.

– Впрочем, – заключил он, – и хорошего нового неопрена хватает.

– Вы же ни с чего не упадете, пока будете работать? – спросила Виктория.

К обеду он все еще был в доме, дергал провода на чердаке.

– Могу накормить тушеной фасолью, – предложила она.

– У меня к ней душа лежит уже не так, как раньше.

– Ну, а можете еще перед уходом посмотреть заднюю дверь?

Задняя дверь висела криво и казалась самодельной: четыре вертикальные доски слегка разной длины, еще три – приколочены поперек; все это густым слоем покрыто старомодной бледно-голубой краской. Виктория влюбилась в дверь. Безопасность гарантировала коллекция засовов, некоторые намертво заржавели в открытом виде. Была и древняя защелка. Выглядела дверь так, будто служила дому уже многие десятилетия, а до того – еще и какому-нибудь амбару. От

сырости она разбухла в косяке. «Проще новую поставить», – сказал старик. Впрочем, стоило ему только прикоснуться – и она открылась. Через порог на кухонную лестницу пролился свет – резкий, но прелестный. Ее сад! На миг он казался слишком ярким и идеальным, чтобы в него входить, – точно лесная поляна.

Старик собрал инструменты, застегнул сумку на молнию и потряс рядом с ухом. В коридоре надел куртку.

– Не придумали еще такого, чего нельзя починить, – сказал он. И, задержавшись с левой рукой наполовину в рукаве: – Тебе понравится в саду.

– Как там Перл? – спросила она перед его уходом.

– Хороший вопрос. – Он уже был на улице, смотрел на небо, поднимал воротник. – Как там знаменитая Перл? Я бы сказал, верит самой себе как никогда. Когда-нибудь она завернет за угол и тут-то обнаружит, что мир изменился.

– Мне она показалась очень хорошей, – окликнула Виктория вслед.

– Я ей передам.

Она прибралась после него; потом вышла через заднюю дверь.

В жизни Виктории сады всегда были чужими. Она их любила, но ничего в них не понимала. Этот – достаточно запущенный, чтобы бесследно впитать любые старания, – на самом деле был сразу двумя садами. Ближайший, за щелью в разросшемся самшите, – был длиннее, на пригорке, с пря-

моугольной лужайкой в окружении флоксов, наперстянок и монбреций. К дому кренился сарай из белого гонта, с облупившейся краской и выпавшими окнами, а в уголке между постройками на солнцепеке росла роза – такая старая и голенастая, что всего толку от нее было подпирать зачахший ствол куста лаванды еще старше, цвета речной коряги. Все границы сада были обложены в эдвардианском стиле камнем цвета ячменного сахара, все тропинки заросли геранью Роберта и одуванчиками.

В противоположном конце, под аркой, скрывшейся под прерафаэлитскими выющимися розами белого цвета, две-три низкие каменные ступеньки вели в нижний сад. Там посадки как будто бесконечно тянулись прочь, хотя не могли быть длиннее метра-другого. Там все было высоким, дремучим, густым, слишком переплетенным, чтобы пройти, все менялось от ухоженного до запущенного. Посреди этой неразберихи скромно и тихо раскинулась вторая лужайка – словно лесное озерцо, подернутое плоской зеленой ряской. На нее между окружающими домами падали под крутым углом лучи. Сбоку, рядом с элегантно потресканными горшками, сидел черно-белый кот, облизывая лапы в пыльном гулком солнечном свете.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.